

Кто я?
Ошибка, сила или
проклятие

Хелен Дэви

18+

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

Хелен Дэви

**Кто я - ошибка, сила
или проклятие?**

«Автор»

2026

Дэви Х.

Кто я - ошибка, сила или проклятие? / Х. Дэви — «Автор», 2026

Моё имя — Никола Армас. Я полукровка. Ведьма, фейри и нечто большее. Моя мать создала меня как оружие. Моего отца называли монстром. Но я отказалась быть их творением. Я построила дом среди неприступных скал и собрала семью из тех, кого мир привык считать изгоями. Они — моя крепость. Они — моя семья. Но прошлое всё равно идёт по моим следам. Демоны слышат меня, потому что я понимаю их язык. Тени подчиняются моей воле. Магия крови просыпается всё сильнее, и с каждым днём я всё меньше понимаю, кто я на самом деле. Ошибка? Сила? Или проклятье, способное уничтожить всё, что я люблю? Ответы скрыты в книге Истории Драконов. Чтобы получить её, мне придётся пройти смертельный турнир, где каждый удар может стать последним, столкнуться с предательством, заглянуть в бездну — и перестать бояться того, что живёт во мне. Я должна узнать правду, чтобы защитить близких. Даже если правда станет моим концом.

© Дэви Х., 2026

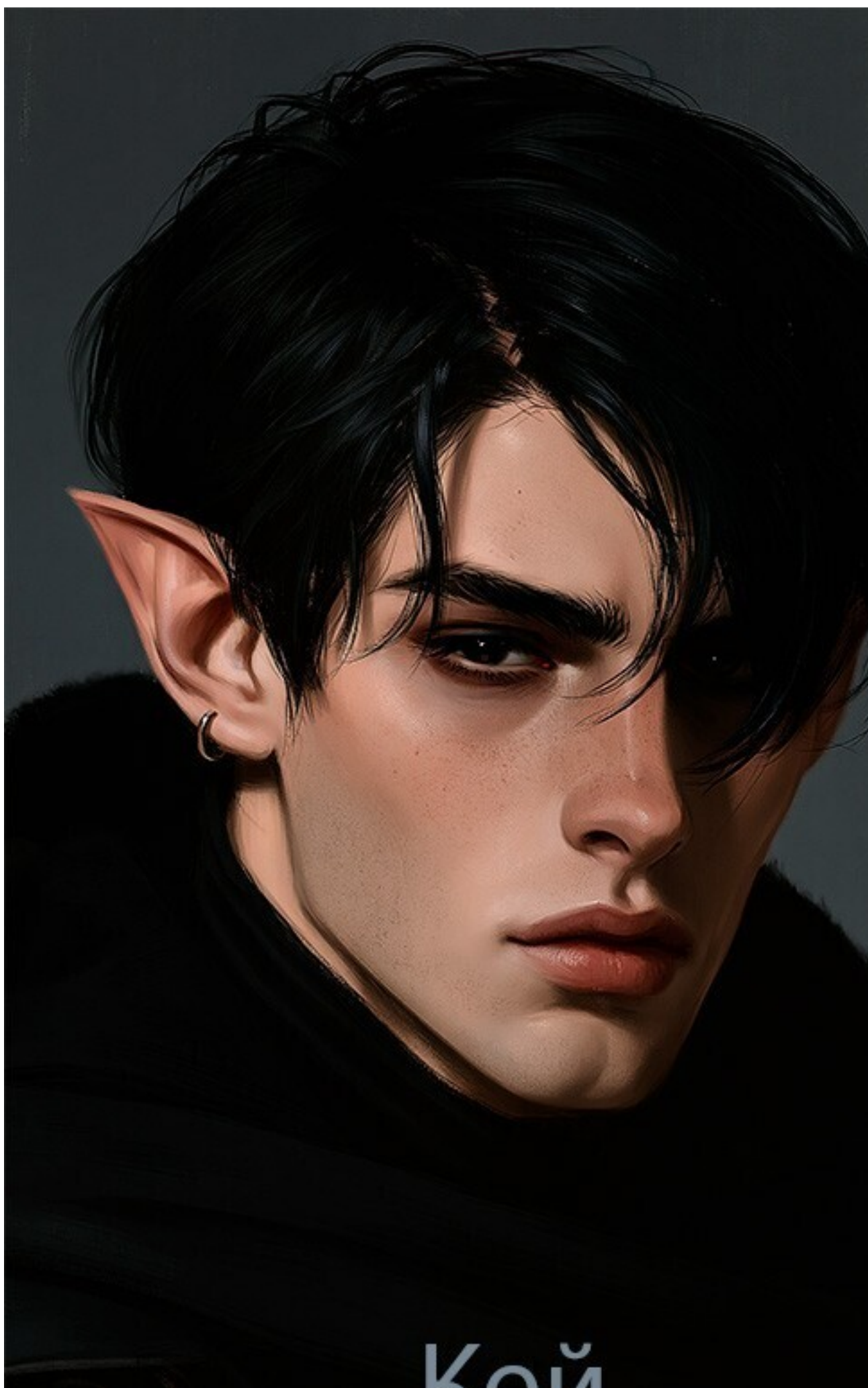
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	21
Глава 2	26
Глава 3	31
Глава 4	36
Глава 5	40
Глава 6	42
Глава 7	51
Глава 8	56
Глава 9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Хелен Дэви
Кто я - ошибка, сила или проклятие?

Кой

Глава 1

Ника

— Ника, остановись, — Михаэль кричал не своим голосом, но я уже не хотела его слушать. Мне нужна эта чёртова книга, и, если ради неё придётся участвовать в дурацком турнире — значит, так тому и быть.

— Никола Армас, я сказал тебе остановиться. Я не буду, как мальчишка, бегать за тобой, чтобы поговорить, — он всё не унимался.

Я резко развернулась посреди коридора. Каменные стены нашего дома, серые, холодные, знакомые до последней трещины, будто сдвинулись ближе, готовые слушать вместе с ним. В их молчаливой тяжести было что-то успокаивающее. И в то же время — давящее. Словно они хранили все невысказанные упрёки, все ссоры, что когда-либо звенели в этих стенах.

— А ты разговариваешь? Всё, что ты делаешь, — это только кричишь на меня.

Он остановился в нескольких шагах. Высокий, прямой, с тёмно-каштановыми волосами, стянутыми в строгий пучок, он выглядел так, будто даже тревогу держал по стойке смирно. Только глаза выдавали его. Зелёные, яркие, слишком уставшие. В них читалась не просто усталость — в них была тяжесть веков, груз решений, которые он принимал за нас обоих.

— Потому что иногда ты слышишь только запреты, — глухо сказал он. — Остальное пропускаешь мимо ушей.

— Я всё слышу.

— Тогда услышь это: нет.

Я усмехнулась, хотя внутри всё уже сжалось в тугой узел.

— Даже не спросишь, зачем?

— Я знаю зачем. Книга Истории Драконов.

Он произнёс название так, будто это был не древний том, а приговор.

Я молчала секунду дольше, чем нужно. Надеюсь, что он не заметит. Михаэль, конечно, заметил. Он всегда замечал.

— Это последняя зацепка, — сказала я тише. — За тридцать лет мы не нашли ничего. Ни в ведьмовских архивах, ни в рунах, ни в запретных трактатах. Я выучила языки, которые нормальные люди даже видеть не должны. И всё равно ничего. Единственное, до чего не добралась — это до записей чокнутой мамы. Уверена, ничего нового я бы там не нашла, кроме записей обо всех опытах на мне.

Он сжал челюсть, и на миг в его лице проступила такая боль, что мне захотелось взять слова обратно. Но было поздно.

— Не говори так.

— Как?

— Будто она всё ещё стоит за твоей спиной.

Я хотела ответить резко. Очень хотела. Но слова застряли.

Потому что иногда мне действительно казалось, что мать всё ещё стоит за моей спиной. Не живая, нет. Хуже. Как привычка вздрагивать от ласкового голоса. Как запах трав и старой крови, который мерещится в чистых комнатах. Как чужой шёпот в голове, когда я остаюсь одна.

Моя мать была ведьмой. Они хоть и обладают магией, но всё же относятся к человеческой расе. А отец — фейри, бывший глава Морнвейл, двора Сумерек. Узнала я это, правда, только спустя сто лет: пришлось знатно напоить Михаэля, чтобы наконец вывести правду. В любом случае я рада, что они оба мертвы. Мать видела во мне не дочь, а проект. Она верила, что

сможет взломать законы магии, и я была её главным экспериментом. Отец... о нём Михаэль и вовсе говорить отказывался. Все и так знали, что генерал Велмара, устроивший геноцид на последней войне, был тем ещё отморожком.

Я отвернулась первой.

— Мне нужна эта книга.

— На турнире тебе нельзя будет пользоваться магией.

— Знаю. Я не человек, Михаэль. Мне сто тридцать лет, но выгляжу я как обычная смертная, и этим можно пользоваться. Никто не заподозрит полукровку. Если только не увидит, как заживают раны.

— Значит, ран быть не должно.

— Я справлюсь. Всегда справлялась.

— На турнире, — медленно повторил он, — люди и фейри улыбаются друг другу, пока проверяют, как быстро смогут перегрызть горло, если пакт снова рухнет.

Вот тут он попал точно.

Десятилетний турнир официально был праздником мира между Аэльторном и Велмаром. Красивые речи, гербы, правила, призы, толпы зрителей. На деле — способ напомнить друг другу, что война никуда не делась. Она просто надела чистую рубашку. Конкорра, наш континент, всегда делилась надвое: люди и фейри. На протяжении тысячи лет они резали друг друга за каждый клочок земли, и последняя война была худшей из всех. Два ублюдка, которым было плевать на геноцид, вели свои армии, не разбирая, кто перед ними — воин или ребёнок. Верхушки сговорились и убрали обоих — иначе править стало бы некем. С тех пор мы живём по хрупкому пакту, и турнир — одно из его порождений. Способ выпустить пар. Показать зубы. И среди призов была книга, до которой я не могла добраться никаким другим способом.

— Я могу выиграть, — сказала я.

— Конечно, можешь. В этом и проблема.

Я нахмурилась.

— Что?

— Ты привыкла побеждать. Привыкла, что, если достаточно быстро ударить, достаточно глубоко спрятаться, достаточно сильно рискнуть, мир отступит. Но там будет не лесная засада и не работорговцы. Там будут дворцовые интриги, артефакты, маги, чужие глаза. И если что-то пойдёт не так, за тобой побегут все.

— Не побегут.

Он посмотрел на меня так, что спорить стало глупо.

Да, побегут. Кей первым. Рилан с дурацкой ухмылкой и мечом наголо. Морра молча, потому что она всегда молчала перед самым опасным. Торван, ворча, что мы все идиоты. Лиаран, если узнает. Зоран, если Михаэль прикажет или если не прикажет.

Наш город был построен из спасённых жизней. Из тех, кому однажды кто-то протянул руку. Мы с Михаэлем странствовали по всему континенту, собирая знания и тех, кого больше никто не ждал. Оборотни, которых держали на цепях. Ведьмы, уставшие от чужих игр. Полукровки вроде меня. Мы нашли ущелье на границе миров, где ветер выл так, что заглушал любые шаги, и построили крепость. Я наложила на неё щиты, а чтобы защитить всех до конца, пришлось пойти на жёсткую меру — клятву крови. Древнюю магию, которая связывает крепче любой присяги. Её принесли все. Даже Михаэль. Она запечатывает язык: никто не может рассказать о городе чужаку, никто не может даже подумать о возможности предать, потому что знают, что в одном из этих случаев их голова взорвётся сразу же. Жестоко? Возможно. Но так мы уверены, что все под защитой. Тем более жители сами добровольно шли на это. Перед тем, как привести их в город, я всегда давала право выбора: либо принести клятву и пойти с нами, либо мы просто отпускали их после того, как спасали от рабства.

— Я не могу больше ждать, — сказала я. — Ты понимаешь?

Михаэль молчал, и эта тишина была тяжелее любых слов. В ней слышалось всё: и его страх за меня, и его понимание, что удержать меня силой он не сможет, и его собственная усталость от бесконечных попыток уберечь тех, кто не хочет быть убережённым.

— Иногда я слышу их во сне, — продолжила я и тут же пожалела. Но было поздно. — Демонов. Не всегда. Не словами даже. Скорее... смыслом. Как будто язык живёт где-то под кожей и просыпается раньше меня. Я могу сказать себе тысячу раз, что это последствия опытов матери. Что она что-то смешала, сломала, пришила к моей крови. Но если дело не в ней?

— Ника.

— А если во мне правда есть что-то от них?

Тишина накрыла комнату, как удушливое одеяло.

За окнами где-то далеко стучал молот кузнеца. Ровно. Спокойно. Так обычно звучал дом. Мой дом. Место, где дети бегали по двору без ошейников, где ведьмы варили зелья не для хозяев, а для больных, где феи, полукровки и те, кому вообще не нашлось места в чужих списках, могли спать без страха.

Я помогала построить это место. Защищала его. Любила его больше собственной жизни. И именно поэтому мне нужно было знать, не я ли однажды стану для него угрозой.

— Я боюсь ответов не меньше тебя, — сказала я. — Но не знать страшнее.

Михаэль провёл ладонью по лицу. На мгновение он перестал выглядеть бессмертным, сильным, нестигаемым. Просто усталый мужчина, проживший слишком долго и всё равно не научившийся отпускать тех, кого любит.

— Ты понимаешь, что я не смогу тебя остановить.

Я осторожно улыбнулась.

— Звучит как начало согласия.

— Звучит как признание поражения.

— Папа...

Он закрыл глаза.

Да. Подло. Нечестно. Я знала, что делаю, и от этого было даже немного стыдно. Но не настолько, чтобы остановиться.

— Не используй это слово как оружие, — тихо сказал он.

Я подошла ближе.

— Я использую его как правду.

Он открыл глаза, и вся жёсткость в них треснула.

Михаэль не был моим отцом по крови. Кровь, как выяснилось, вообще редко приносила мне что-то хорошее. Он был тем, кто нашёл меня, когда я ещё не умела просить о помощи. Тем, кто учил держать нож, читать следы, не верить ласковым голосам и всё равно оставаться искренней, настоящей и живой. Тем, кто построил дом, в котором я впервые смогла закрыть глаза и не ждать удара.

— Дай мне сутки, — сказал он наконец.

Я выдохнула.

— Сутки?

— Я составлю план. Не один. Пять. Десять. На случай, если тебя раскроют. На случай, если книгу не отдадут. На случай, если турнир окажется ловушкой. На случай, если ты решишь импровизировать, что, к сожалению, наиболее вероятно.

— Я почти не импровизирую.

Он посмотрел на меня.

— Ладно. Часто импровизирую.

— Постоянно.

— Зато успешно.

— Пока.

Я шагнула вперёд и обняла его. Михаэль замер, как всегда замирал в первые секунды, будто нежность была ударом, который он не успел отбить. Потом его руки легли мне на плечи. Тяжёлые. Тёплые. Надёжные. В этом объятии было столько невысказанного: и предостережение, и благословение, и молчаливое обещание, что, что бы ни случилось, он будет где-то рядом.

— Я вернусь, — сказала я ему в грудь.

— Не обещай того, что зависит не только от тебя.

— Тогда пообещаю другое. Я сделаю всё, чтобы вернуться.

Он выдохнул. Этого было достаточно.

Когда я отпустила его и пошла по коридору, за спиной хлопнула дверь кабинета. Потом раздался глухой удар, будто кулак встретился со столом.

Я не обернулась.

Если бы обернулась, осталась бы.

В комнате меня встретила темнота. Я зажгла маленький светильник, сняла куртку, положила клинки на стол. Руки дрожали. Не сильно, почти незаметно. Но дрожали.

Я села на край кровати и достала из-под подушки старый лист с переписанными строками на демоническом языке. Одну из немногих записей, которую сама смогла сделать после сна. Символы казались живыми, будто проступали сквозь бумагу.

Я понимала их.

Не переводила. Не разбирала. Понимала. И от этого понимания было страшнее, чем от незнания.

Я закрыла глаза.

Может, книга даст ответ. Может, докажет, что всё это лишь следы материнских опытов. Может, объяснит, почему демоны иногда замирают, когда я говорю. Почему в самые страшные минуты моя кровь отзывается на них не ужасом, а узнаванием.

А может, Михаэль прав. Может, некоторые ответы лучше не находить.

Впервые я поняла язык демонов тридцать лет назад, когда мы отправились в маленькую деревушку вытащить трёх оборотней, служащих графской семье. Рабы были измучены и полны недоверия — в их глазах читалась такая глубокая усталость, что сердце сжималось от боли. Но когда Рилан и Торван рассказали о месте, где в безопасности могут жить им подобные, новички с радостью принесли клятву крови и отправились с нами. В тот день мы и наткнулись на небольшую группу демонов — их было около шести. Сражение не было сложным, но один из демонов сказал мне: «Ты не сможешь прятаться вечно».

Его слова прозвучали не как обычная угроза, а как ледяной приговор, вонзившийся прямо в грудь. Шок от осознания, что я его поняла, сковал меня, будто невидимые цепи стянули каждую мышцу — я застыла, не в силах ни пошевелиться, ни выдохнуть. Время будто остановилось, и в этой звенящей тишине весь мир сжался до одного-единственного голоса.

Я долго не могла прийти в себя — перед глазами всё плыло, а в ушах эхом отдавались те проклятые слова. Друзья постоянно прикрывали меня, бросая встревоженные взгляды, и делали вид, что всё нормально, лишь бы не выдать моего смутения. Их молчаливая поддержка была единственным якорем в этом водовороте паники.

После этого мы как ненормальные начали искать информацию, путешествуя по всему континенту — рылись в пыльных фолиантах, выпытывали сведения у самых сомнительных личностей, прочёсывали забытые руины. Но все поиски оборачивались пустотой: ни намёка, ни крупинки истины.

Моя последняя надежда — книга Истории Драконов. Надеюсь, благодаря ей, мы наконец сможем понять опасна я или нет.

Я погасила свет и легла, не раздеваясь. Завтра начнётся подготовка. Завтра команда узнает. Завтра я снова буду шутить, спорить, делать вид, что всё под контролем.

А пока в темноте комнаты я позволила себе одну честную мысль.

Если во мне действительно живёт демон, я должна узнать это первой, чтобы успеть защитить от себя всех, кого люблю. Эта мысль, горькая и острая, как лезвие, не давала мне уснуть ещё долго. В тишине комнаты она звенела, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

Глава 2

Ника

— Может, наконец расскажешь, что ты задумала, — спустя час проверки барьеров выдохнул Кей.

Я обернулась и взглянула в его тёмно-карие, почти чёрные глаза. Он знал, что что-то происходит. Надеюсь, что я сама начну рассказывать. Но я молчала. До последнего не хотела поднимать эту тему: он определённо последует за мной, и как этого избежать, я пока не знала.

— Ничего. Что за странные вопросы? — попыталась выкрутиться, но вряд ли получилось.

— Брось, Ника. Ты подняла меня на рассвете и сказала, что нужно срочно проверить щиты и барьеры. Мы проверяли их пару недель назад, а до следующей проверки ещё две. А ещё Михаэль всех собирает сегодня. Что происходит? Если ты решила ввязаться в какое-то дерьмо, вычёркивая меня из своего плана, то это заведомо плохая идея. И я не говорю про остальных — уверен, Рилан поднимет ещё тот шум.

Он говорил ровно и сдержанно, но я знала: внутри у него бурлит куча эмоций. Кей чувствовал — что-то не так.

— Давай не сейчас, пожалуйста, — я остановилась и взглянула на него. Он напрягся, лишь убеждаясь в том, в чём был уверен. Но если я просила о чём-то, он никогда не сопротивлялся. Самый близкий друг и товарищ в бою: мы чувствовали и понимали друг друга по взгляду. С ним мне было спокойнее всего на заданиях. Да и просто, когда хотелось расслабиться и выпить. У нас был схожий вариант отдыха: в тишине, в своих мыслях, в спокойствии. Лишь хотелось осознавать, что в этом безумном мире ты не одинок.

— Сегодня ты необычно многословен, — сказала я, стараясь вернуть всё к привычной лёгкости. — Давай просто, как обычно, пройдемся, проверим всё и насладимся прекрасным видом.

Кей молча кивнул в своей манере, и мы продолжили идти.

Я шла рядом, но взгляд то и дело сам собой возвращался к нему — не потому, что боялась, что он исчезнет, а потому что в его тишине было столько собранности, что она невольно притягивала. И чем дольше я смотрела, тем больше замечала этих мелких, отточенных до автоматизма движений, будто они сами по себе рассказывали целую историю о том, как он жил и выживал.

Он снова чуть коснулся пальцами рукояти меча под курткой — так легко, почти незаметно, словно это был не жест готовности, а что-то вроде успокаивающего ритуала. И тут же, будто спохватившись, опустил руку, словно напоминая себе, что сейчас не бой, а обычная проверка барьеров. Но эта привычка въелась в него так глубоко, что стала частью походки, частью дыхания.

А ещё он ни разу не пошёл по самой очевидной тропе. Там, где любой другой просто топтал бы напрямик, Кей выбирал путь вдоль выступа скалы, где тень ложилась плотнее, где тебя не видно с высоты. Он не делал из этого шоу, не объяснял, зачем сворачивает на едва заметную тропку между валунами — просто шёл так, будто иначе и быть не могло. И от этой его будничной осторожности становилось спокойнее: если вдруг что-то пойдёт не так, он уже на три шага впереди.

Ветер тронул его волосы — чёрные, короткие, небрежно уложенные, будто он просто провёл по ним ладонью и забыл. В этом была вся его небрежность: непоказная, настоящая,

выстраданная. Потому что, когда ты столько раз уходил от погони, тебе уже не до того, чтобы поправлять причёску.

В его фигуре не было тяжеловесной мощи — только сухая, надёжная сила, проверенная в десятках схваток. Жилистый, собранный, будто каждая мышца у него была натянута, как струна, готовая отозваться на малейшую угрозу. Он двигался бесшумно — так, что даже сухая хвоя под его сапогами почти не шуршала. Это была не просто ловкость, а отработанная привычка: он никогда не ставил ногу всей стопой сразу, а сначала опускал носок, будто прощупывал землю, убеждался, что тут нет ни ветки, ни камня, ни предательского сдвига грунта. И только потом переносил вес.

Его черты будто чуть-чуть подточены ветром и холодом: скулы чуть острее, чем у обычного человека, в этой резкости проглядывало что-то звериное. Что-то древнее, нечеловеческое — хотя он и не был чистокровным фейри.

А глаза... тёмно-карие, почти чёрные. В них не было ни суеты, ни лихорадочного блеска — только спокойная, твёрдая уверенность. И ещё эта его привычка: взгляд прямой, но он редко задерживался на собеседнике дольше, чем требовалось. Не потому, что ему было всё равно, а потому, что он всегда держал в поле зрения ещё и то, что находилось за спиной собеседника. Для Кея мир не заканчивался на том, кто стоял перед ним.

— Знаешь, иногда мне кажется, что ты даже дышишь тише, чем надо, — не удержалась я и тут же чуть улыбнулась.

Кей чуть скосил на меня глаза — на долю секунды, ровно столько, чтобы я поняла, что он услышал, и тут же снова перевёл взгляд вперёд.

— Если дышать громко, можно спугнуть удачу, — спокойно ответил он, и в этом его тоне не было ни шутки, ни серьёзности — просто ещё одна маленькая истина, которую он усвоил где-то на краю мира, в темноте, когда каждый звук мог стоять жизни.

И от этой фразы, такой обыденной и в то же время странно глубокой, у меня внутри что-то чуть-чуть улеглось. Не тревога — нет, она никуда не делась. Но стало чуть легче нести её рядом с тем, кто сам привык держать на себе половину мира и даже не морщиться.

Мы шли дальше, и я уже не старалась прятать, что наблюдаю за ним. Пусть видит. Пусть знает, что я замечаю не только его молчание, но и всё то, что прячется за ним: эту сухую, надёжную силу, эту звериную собранность, эту привычку быть готовым ко всему — даже к тому, чего ещё нет.

И чем дольше я смотрела на Кея, тем сильнее ощущала, как эта его собранность будто переключается с самими горами. Он, как и эти скалы, не тратил силы на лишние слова и движения, а просто был здесь: твёрдый, внимательный, готовый в любой миг стать заслоном. И в этом было что-то до боли знакомое — то самое чувство опоры, которое я впервые поймала в тот день, когда мы нашли эту долину.

Город сидел в складках гор, как в надёжных ладонях, — будто сами скалы бережно сомкнули пальцы, чтобы укрыть его от бурь и врагов. Камни ложились ровно, будто сами находили своё место, и казалось, что гора шепчет им: «Держитесь крепче». И стены действительно держали. Не просто преграждали путь врагу, а становились частью живого заслона: если кто-то чужой пытался подойти, камень будто становился холоднее, воздух густел, и чужак вдруг начинал сомневаться — а точно ли он туда идёт? Горы не пускали тех, кто нёс с собой угрозу.

Я помнила тот день, когда мы впервые вышли к этой долине. Тогда мы были измотаны, покрыты дорожной пылью, с пустыми флягами и почти пустыми надеждами. Мы шли наугад, просто подальше от тех мест, где за нами тянулся слишком длинный след. Михаэль вёл нас, опираясь скорее на интуицию, чем на карту, а Кей шёл чуть впереди, растворяясь в тенях, будто сам становился частью леса. Лиаран замыкал цепочку, прислушиваясь к каждому шороху и время от времени тихо предупреждая о ловушках. Зоран же, несмотря на усталость, всё ещё высчитывал маршруты отхода, будто не верил, что мы когда-нибудь сможем остановиться.

И вдруг тропа вывела нас на этот уступ, и мир будто распахнулся.

Михаэль остановился, не веря глазам, и я тоже замерла, чувствуя, как впервые за много дней внутри что-то отпускает. Перед нами лежала чаша, окружённая скалами, будто специально созданная, чтобы спрятать в себе жизнь. С трёх сторон её обступали отвесные стены, и только с одной стороны был узкий проход — его можно было держать силами десятка бойцов. А внутри — ровная площадка, родник, который бил прямо из камня, и даже намёк на почву, где могло бы что-то расти.

Лиаран первым опустился на колени у родника, подставил ладони под ледяную струю и долго пил, будто не мог поверить, что вода настоящая. Зоран молча обошёл край уступа, прикидывая, где лучше поставить первые дозорные точки. А Кей просто замер, вглядываясь в линии скал, будто считывал их, как древние руны.

— Смотри, — тихо сказал Михаэль, будто боялся спугнуть это место голосом. — Здесь можно построить крепость. Не временную стоянку, не лагерь, а настоящую. Стены можно вести по линии скал, использовать их как основу. А там, в низине, где ветер не такой злой, — дома для тех, кому просто нужно безопасное место.

Я тогда улыбнулась, впервые за долгое время по-настоящему.

— А вон там, у родника, можно разбить грядки. Даже если ничего не будет расти, мы заставим. Пусть это будут упрямые травы, которые держатся за камень зубами.

Он посмотрел на меня и усмехнулся:

— Ты всегда находишь способ заставить мир работать на нас.

И мы начали. Сначала — шалаши и временные заслоны. Потом — каменные стены, которые росли медленно, но верно. Потом — грядки, на которых выживали только самые упрямые растения. И наконец — город, который стал не просто убежищем, а домом.

Постройка заняла тридцать лет. Тридцать лет, когда каждый камень клали своими руками, каждую тропу прокладывали оглядываясь, каждый росток берегли, как драгоценность. Лиаран отвечал за водоснабжение и тайные ходы, Зоран — за оборонительные линии и дозоры, Михаэль — за общий план и дисциплину, а Кей всегда был там, где тень гуще, где опасность ближе, где один бесшумный шаг мог спасти десяток жизней.

Но мы не строили это место вчетвером. За эти годы к нам присоединялись те, кого мы спасали от рабства. Кто-то был измождённым и молчаливым, кто-то — с яростью в глазах, которую надо было сначала остудить, прежде чем доверить ему кирку или меч. Каждый приносил с собой не только руки, но и свою боль, свою злость, свою надежду. И каждый камень, положенный ими, был не просто частью стены — это был их способ сказать: «Теперь у нас есть дом».

Теперь, стоя у обрыва, я смотрела на город и видела не только то, что построили наши руки, но и то, что подарила сама земля. За стенами тянулся лес — ещё два километра нашей хрупкой свободы, но в то же время наше продолжение. Он рос там, где горы чуть расступались, давая место жизни. В полутени, среди корней, цеплявшихся за камень, прятались грядки с травами: тонкими, упрямыми, выживающими там, где ничего не должно было расти. Без них не сварить ни одного сильного зелья, без зелий не удержать больных, а без больных не удержать город. Всё здесь было связано, как корни под землёй: потяни за один — дрогнет всё дерево.

И пусть эти травы в первую очередь спасали наших, но ещё они были нашей опорой в большом мире. Ведь именно зелья и настойки, сваренные из горных трав, шли на продажу. А ещё мы продавали кристаллы и артефакты, созданные благодаря магии ведьм.

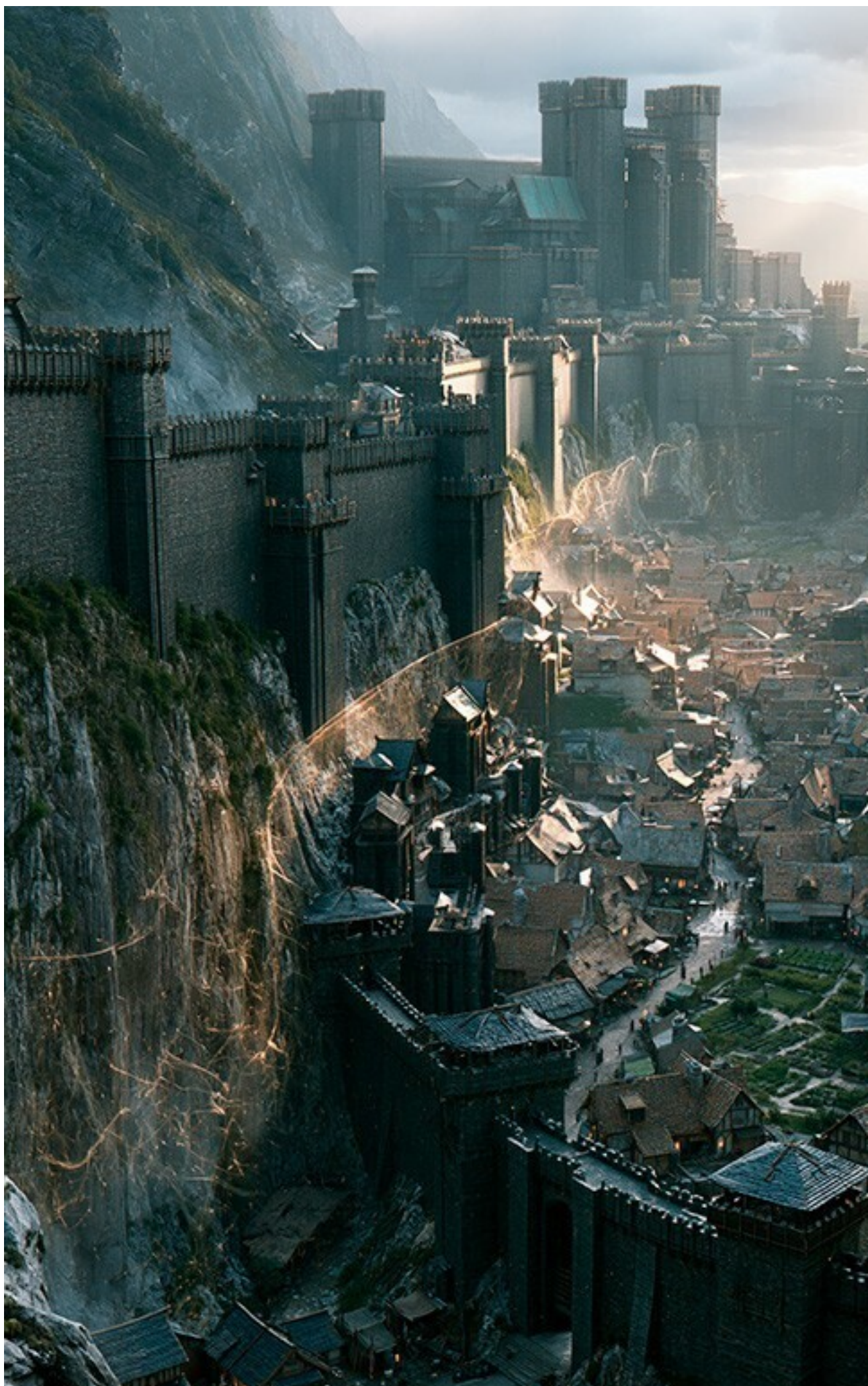
Двадцать точек подпитки прятались в лесу, сливаясь с валунами, будто и родились из них. Если не знать, куда смотреть, их не заметишь: обычные камни, обросшие мхом, присыпанные хвоей. Но если положить ладонь на такой камень, можно почувствовать, как под грубой поверхностью тихо пульсирует сила — ровно, уверенно, как биение сердца.

Я остановилась в своём любимом месте, возле обрыва, где мир казался ближе, а тревоги — дальше. Отсюда город выглядел не хрупким, а упрямым и правильным, будто он всегда должен был стоять именно здесь, в этих горах. Будто это не мы выбрали место, а горы выбрали нас: «Останьтесь. Мы вас укроем».

Кей остановился рядом, не мешая мне смотреть, не торопя. Он просто стоял, чуть развернувшись так, чтобы видеть и меня, и тропу позади, и край леса, — на случай, если оттуда вдруг покажется что-то лишнее.

Я посмотрела вниз, на долину, укутанную утренним туманом, и чувствовала, как тяжесть понемногу сползает с плеч. Горы не обещали, что будет легко. Но они обещали, что не дадут упасть. И от этого хотелось не просто защищать город, а быть достойной этой защиты — быть такой же крепкой, такой же терпеливой, такой же упрямой, как сами скалы.

Ветер словно одёрнул меня: нам осталось последнее место подпитки, а затем меня ждало одно из самых сложных собраний в моей жизни.

Глава 3

Ника

Чем ближе мы подходили к двери переговорной, тем сильнее у меня колотилось сердце. Я знала, что этого не избежать, но надежда умирает последней. Мы с Кеем проверили все подпитки барьеров и ни одной проблемы не обнаружили. Жаль, могла бы начать собрание с этого, но увы, не вышло. Я замялась на секунду возле двери, глубоко вздохнула и открыла её.

— Проходите, нам нужно быстрее с этим покончить. Сегодня уезжает торговая группа, так что не будем медлить, — Михаэль был, как всегда, собран, ни один мускул не выдавал его эмоций, но я знала: он недоволен.

Я оглянулась. Все были на месте: Лиаран, заместитель и помощник Михаэля; Зоран, главный командир, заведовавший всеми тренировками; и моя группа.

— Никс, признавайся, что ты натворила? В любом случае я рад, судя по всему мы снова отправимся в путешествие, а то уже засиделись... — начал Рилан, но Морра быстро его оборвала. Она сидела, выпрямив спину, — подтянутая, с тёмными волосами, заплетёнными в простую косу. Её тёмно-зелёные глаза смотрели на Рилана с убийственным спокойствием.

— Ты думаешь не о делах, а о девках и алкоголе. Что, с ведьмочками надоело развлекаться?

— О, малышка Морра сегодня столь многословна, возможно, ты и сама не против со мной развлечься. Уверен на сто процентов, это ревность, — парировал Рилан своей знаменитой ухмылкой.

— Вы оба, прекратите, — строго оборвал Зоран. Ему не нужно было повышать голос — достаточно было одного взгляда. Холодные, светло-серые глаза, почти бесцветные, смотрели на Рилана с таким спокойствием, что даже он осёкся на полуслове. Зоран был поджарым, сухощавым, с коротко стриженными волосами стального оттенка и лицом, будто вырубленным из камня. Он редко говорил больше, чем нужно, и никогда не делал лишних движений. — Никола и Кейран, садитесь, давайте начнём, дел сегодня много.

Немногие называли меня полным именем, но Зоран был одним из них. Я даже немного побаивалась его: всегда строг и серьёзен, говорил только по делу, знал лишь одно слово — «работа».

Мы расселись за большим овальным столом. Рилан, как обычно, развалился на подоконнике — светло-карие глаза с вечным озорным блеском, тёмно-русые волосы в художественном беспорядке, ухмылка, от которой у любого нервы сдавали. Михаэль остался стоять, упираясь руками в спинку стула, — в его напряжённых плечах чувствовалась натянутая тетива. В комнате повисла тишина перед бурей.

Толстые каменные стены из тех же серых глыб, что и городские укрепления, напоминали: здесь решают не слова, а воля. Узкие окна, похожие на бойницы, скупно пропускали свет, высвечивая потёртую древесину стола с глубокими царапинами — следами долгих споров.

На стенах висели пожелтевшие карты континента, густо утыканные булавами и перетянутые нитями. Отдельно — Велмар и Аэльторн, исчерченные до состояния лабиринта. Между ними — карты каждого двора фейри: тонкие пергаменты с мерцающими линиями, отмечавшими не только владения, но и скрытые тропы, где реальность истончалась. Рядом темнели доски для заметок: старые записи просвечивали сквозь новые, будто следы прежних тревог.

В воздухе витал запах старого дерева, воска и лёгкой сырости. Кованая люстра с потускневшими лепестками нависала над столом, отбрасывая тени, словно пряча невысказанные мысли.

Здесь, среди этих стен, мы переставали быть просто жителями — на нас ложилась тяжесть ответственности за каждую жизнь в городе. И в этой тяжести было не бремя, а твёрдое знание: мы — последний заслон между этим домом и всем остальным миром.

— Итак, причина сегодняшнего собрания — это безбашенность и безрассудство Николы Армас, — Михаэль пробуравил меня жёстким взглядом так, что захотелось просто исчезнуть.

— О-о-о, я знал, знал, она что-то... — начал было Рилан, но Зоран оборвал его взглядом, который говорил: «Если ты сейчас не заткнёшься, я надеру тебе зад». И он бы сделал это.

— Что происходит? Просто расскажи нам, — голос Лиарана прозвучал не требовательно, а мягко, почти бережно. Он сидел, чуть откинувшись в кресле, — высокий, жилистый, без лишней массивности, но в этой поджарой фигуре чувствовалась выносливость, а не слабость. Длинные тёмно-пепельные волосы были заплетены в тугую косу, открывая лицо с серебристо-серыми, почти металлическими глазами. Лиаран смотрел на моего старика долго и прямо, и в этом взгляде было не давление, а тихая поддержка: «Я здесь. Ты не один». — Прекрати вздыхать так, будто выдавливаешь из себя каждое слово.

— Ника хочет участвовать в десятилетнем турнире, чтобы достать книгу Истории Драконов.

Всё оборвалось. Семь пар глаз впились в меня, и на эти пять секунд комната будто застыла — даже тени перестали шевелиться. А потом тишина взорвалась: крики, возражения летели со всех сторон, перекрывая друг друга, каждый рвался пойти вместо меня, готовый хоть сейчас сорваться с места. Полный хаос, буря голосов, в которой тонули любые доводы.

Лишь Кей и Михаэль молчали. Их взгляды были тяжёлыми, спокойными — они знали: решение уже принято, и никакие уговоры его не изменят.

И в какой-то миг, когда этот шквал слов стал невыносимым, старик не выдержал — и со всей силы грохнул ладонью по столу. Древесина вздрогнула, будто сама испугалась этого удара, а в комнате мгновенно повисла оглушающая тишина.

— Заткнитесь все! — голос Михаэля, резкий и властный, обрубил хаос, будто мечом перерубил натянутую струну. — Я думаю, мы прекрасно понимаем, что Нику не остановить. И, возможно, она права: нам действительно нужна эта книга — как последняя надежда хоть что-то узнать о том, почему она понимает демонов.

Он провёл ладонью по лицу, будто пытался стряхнуть усталость, и на мгновение в его глазах мелькнуло такое бессилие, что у меня внутри всё сжалось.

— Я обдумывал это всю ночь. Хотел бы я пойти с тобой, моя малышка... — его взгляд смягчился настолько, что слёзы сами подступили к горлу, горячие и колющие, и я сжала кулаки, чтобы не дать им пролиться. — Но я не могу. Ты возьмёшь своих ребят. В город зайдёшь одна — станешь на голову больной девчонкой, решившей принять участие ради денег. Приз ведь не только книга. Ребятишки скроются и в случае чего вытащат тебя. А потом будем думать.

Он сделал паузу, и в этой тишине я услышала, как тяжело ему даются следующие слова.

— У нас есть пара скрытых мест возле столицы, в чаще. Один дом сейчас пустует — я дам координаты. Торван, твоя задача — подготовить всё. Если что-то пойдёт не по плану, вы должны быть готовы действовать мгновенно.

Михаэль говорил жёстко, но в каждом слове сквозила не властность, а отчаянная попытка защитить меня хотя бы так, на расстоянии. Он знал, что я не хочу тащить за собой группу, и буравил меня взглядом — таким тяжёлым, таким полным невысказанной боли, что я поняла: спорить бессмысленно.

— Только так я отпущу тебя, — продолжил он, глядя мне прямо в глаза, и в этом «отпущу» было столько горечи, столько страха, что оно прозвучало почти как признание поражения. — Альтернативы не обсуждаются.

Я вздохнула, чувствуя, как внутри всё дрожит от напряжения, от тяжести его слов, от понимания, что он отдаёт этот приказ не потому, что хочет, а потому, что другого выхода не видит. И, не в силах выдать ни звука, молча кивнула.

Все мы молчали какое-то время, и каждый думал о своём. Даже Рилан притих. Затем Михаэль продолжил:

— Сегодня торговая группа отправляется в столицу, видимо, сама судьба говорит нам, что игра стоит свеч. Вы поедете с ними, но на подъезде к столице разъедетесь, дальше придётся самим, мы не можем ставить их под угрозу. У вас есть около трёх часов на подготовку. — Михаэль чуть замешкался, но продолжил: — А теперь выметайтесь, мне надо обсудить дела с Лиараном и Зораном.

Мы молча встали и вышли из переговорной. Тяжёлая дубовая дверь с железными накладками глухо щёлкнула за спиной, отрезая нас от напряжённой тишины комнаты, и коридор крепости встретил нас привычным полумраком и ровным, чуть сыроватым запахом камня.

Коридоры здесь всегда жили своей особой жизнью: днём по ним сновали слуги — те, кто отвечал за уборку, за кухню, за мелкие хозяйственные заботы, без которых крепость не могла бы держаться. Сейчас, в этот переходный час, когда день уже не был утром, но ещё не стал вечером, коридоры казались чуть пустынными, будто город затаил дыхание, прислушиваясь к тому, что сейчас решалось в его сердце. Полосы тусклого света из узких окон ложились на пол, как мечи, разделяя тень и свет.

Какое-то время все шли молча, каждый переваривал услышанное, и тишина была не пустой, а густой, наполненной невысказанными страхами и решимостью. Но Рилан, конечно, не мог долго держать язык за зубами.

— Ну ты даёшь, — выдохнул он, и в его голосе, вопреки привычной бравате, проскользнула нотка восхищения, смешанного с тревогой. — Это будет самое увлекательное наше путешествие. В столичных борделях я ещё не бывал и...

— Рилан, — оборвал его Торван, и в этом резком окрике не было злости — только усталость и понимание, что сейчас шутки неуместны. Он остановился у стены — высокий, кражистый, с коротко стриженными каштановыми волосами и старым шрамом через всю щёку. Его тёмно-серые глаза смотрели спокойно, но цепко, как у того, кто привык оценивать угрозу раньше, чем она появится.

Рилан на секунду замер, будто сам удивился собственной попытке разрядить обстановку, а потом посмотрел на меня. И вдруг вся его привычная насмешливость сползла, обнажив то, что он обычно прятал за шутками.

— Ну а если честно, Никс... Ты затеяла довольно опасную авантюру. Но до сих пор не пойму, как тебе пришла в голову мысль оставить нас за бортом. Куда ты, туда и мы. Если помирать, то всем вместе, в один день, в одно время.

Это был один из тех редких моментов, когда Рилан был по-настоящему серьёзен. Я обернулась и посмотрела в его глаза: в них не было ни страха, ни сомнений — только твёрдая, упрямая уверенность и готовность стоять рядом до конца. Потом перевела взгляд на остальных — на Торвана, на Кея, на Морру — и увидела в их лицах то же самое. Эта молчаливая сплочённость, эта готовность шагнуть в неизвестность просто потому, что мы — команда, вдруг кольнула где-то под рёбрами острой смесью вины и благодарности.

Мы бывали во многих опасных переделках, но эта вылазка в столицу переходила все мыслимые границы. Я бы честно выбрала сражение с сотней демонов, чем тащить их всех в это осиное гнездо. От одной мысли, что с кем-то из них может что-то случиться, внутри всё сжималось в тугую, ледяную комок. Но я не имела права показывать эту слабость. Не сейчас.

Поэтому я глубоко вдохнула, прогоняя дрожь, и натянула привычную маску капитана — жёсткую, собранную, не оставляющую места сомнениям.

— Вам надо быть готовыми через три часа. Встречаемся в конюшне. Я наложу на всех скрывающую магию — и в путь. Торван, переговори с торговой группой: возможно, им понадобится помощь. Мы окажем её, раз уж едем все вместе. Морра, проверь все лекарства, набери побольше — неизвестно, насколько мы там задержимся и во что можем вляпаться. Рилан и Кей, вы знаете, что делать. На этом расходимся.

Голос прозвучал ровно, почти холодно, и только я знала, чего мне стоило удержать его от дрожи.

— Так точно, капитан, — хором отозвались они, и в этих словах не было формальности — в них слышалась готовность следовать за мной, куда бы я их ни повела.

И мы разошлись, каждый по своим делам, растворяясь в лабиринтах крепости, которая была не просто главным зданием города, а его сердцем и опорой. Здесь, за этими стенами, жили и работали те, кто держал город на плаву: слуги, повара, управляющие. Здесь же вершились дела, от которых зависела жизнь сотен людей. Михаэль, как глава, держал на себе всю тяжесть решений; Лиаран, его заместитель, был той самой тихой силой, которая сглаживала острые углы и не давала системе рассыпаться; Зоран, главнокомандующий, отвечал за боевую подготовку и дозоры — за то, чтобы, если враг постучится в ворота, мы всегда были готовы. А Торн, руководитель торговцев, связывал нас с внешним миром и удерживал всю экономику.

Я постояла ещё мгновение, прислушиваясь к затихающим шагам, к далёкому стуку дверей, к привычному дыханию крепости. Потом медленно выдохнула, позволяя маске чуть-чуть сползти, и на одну короткую секунду позволила себе почувствовать весь груз того, что я собиралась сделать. А затем решительно развернулась и пошла вперёд.

После всех дел я наконец добралась до комнаты. Хотелось просто выдохнуть, и я залезла в ванну, надеясь, что тёплая вода унесёт хотя бы часть мыслей. Но они не уходили.

Я боялась не битвы. Я боялась правды: что книга скажет, будто всё это не из-за экспериментов матери, а из-за крови, которую я не выбирала.

Когда вышла, взгляд сам упал на шкафы с книгами. В них были знания, за которыми охотились лучшие ведьмы. Но дороже этого были тонкие книжки со сказками. Михаэль когда-то читал их мне перед сном, и даже сейчас я просила его об этом, когда не могла уснуть. Это была моя тихая опора — глупая, детская, но единственная, которая не подводила.

Хватит. Пора.

Я надела броню из чешуи Морока. Она легла по телу, как вторая кожа, — лёгкая, почти невесомая, но твёрдая, как сталь. Оружие привычно легло в голенища, клинки — на пояс.

Заплела косы магией, чтобы ни один волос не мешал, и мельком глянула в зеркало. Там была я — и не я. Слишком собранная, слишком холодная. Чёрные как смоль волосы, светлая, почти фарфоровая кожа, глаза цвета зимнего неба. Тонкие черты лица, острые скулы и эта обманчивая худоба: со стороны казалось, что меня может унести ветром, но я знала, как вложить в удар всю свою скорость.

«Манёвренность спасёт тебя», — вспомнились слова Михаэля. Вскоре мне предстояло проверить это на деле.

Сумка в руку — и я уже бежала в конюшню. Стражи стояли на месте. Чары легли ровно, скрывая их происхождение.

— Всё готово? — спросила я, подходя к своему коню.

— Ты же знаешь, — парировал Торван. Я действительно это знала: Торван никогда не подводит.

Мы молча взяли лошадей и двинулись к торговой группе. Там уже все собрались, включая Михаэля, Лиарана и Зорана.

— Малышка, хоть и рад, что следующие трое суток будем вместе, но причина... ну её, — Джуд, глава торговой группы, подошёл, чуть наклонился — в этом движении проскользнуло что-то звериное, привычное для оборотней, и легко чмокнул меня в щёку.

— А я вот в любом случае рада, — обрадовала я Джуда своей лёгкой улыбкой. Затем мы увидели, как Михаэль и Зоран направляются к нам.

Мы стояли втроём: я, Михаэль и Зоран, и от них так и веяло напряжением. Мне это не нравилось.

— Успокойтесь оба, всё будет в порядке, — сказала я, но Зоран явно не верил мне. Он шагнул вперёд, крепко взял меня за плечи и посмотрел прямо в глаза:

— Если что-то пойдёт не так, сразу пришли мне сигнал, и я вытащу тебя, — строго и жёстко отрезал он, затем похлопал меня по плечу и оставил наедине со стариком.

— Ника, ты справишься, я знаю. Просто... Я люблю тебя, малышка, — а затем он обнял меня настолько крепко, что я почти задохнулась. Отпустив, он посмотрел мне за спину и сказал: — Берегите её и друг друга, — развернулся и ушёл. Я смотрела ему вслед, но ничего не могла поделать. Просто подожди. Я скоро вернусь.

Мы оседлали лошадей. Я посмотрела на Джуда:

— Мы готовы.

— Отлично, тогда в путь.

Наша группа уже начала отъезжать, но я обернулась. Лиаран до сих пор провожал нас взглядом, а затем словно прошептал: «Будь осторожна». Он знал, что я умею читать по губам, — ведь сам научил. Я махнула ему рукой, показав наш фирменный жест, развернулась, и мы отправились.

Глава 4

Ника

Двое суток пролетели незаметно. Двигались мы быстро благодаря магии, которая позволяла облегчить и сделать груз более устойчивым. Люди добирались бы около недели, но у нас были свои фишки. Время уже подходило к вечеру, думаю, через пару часов будем разбивать лагерь. Давненько я не путешествовала такой большой компанией. Оглянувшись, я заметила Рилана, который не отлипал от девушки — он не мог не флиртовать; Торван болтал с Джудом; Морра ехала молчаливо впереди, а мы с Кеем замыкали всех. Торговая группа была небольшой — двадцать человек: те, кто занимался сделками, и, конечно, охрана. У Джуда были одни из самых подготовленных бойцов, поэтому их часто отсылали в довольно опасные места, но за двадцать три года ни одной потери. Отличный показатель.

Мы ехали по густой лесной чаще, выбрав самую быструю дорогу. Пока происшествий не было, но всё равно напряжение не спадало. Демоны могли появиться откуда угодно. Сейчас вроде бы более-менее безопасные времена, но всё же. До сих пор не понимаю, как наши королевства умудрялись воевать столько лет: ведь всегда существовала угроза извне, и помимо друг друга им приходилось ещё и отбиваться от демонической расы. Природа происхождения демонов до сих пор неизвестна — сколько бы ни искали, никто не смог найти ответов. Они охотятся на людей, фейри, оборотней, без разницы на кого — если есть плоть и кровь, значит, им есть чем поживиться. Сейчас стало лучше: королевства не воюют друг с другом, а значит, занимаются защитой своих народов внутри стран. Но иногда возникают большие очаги демонов, и это становится серьёзной проблемой. Мы с ребятами сами бывали в таких передрыгах, пока охотились за знаниями.

— Ника, прислушайся, — Кей резко оборвал мои мысли. Я повернулась к нему и в его глазах увидела: что-то не так.

— Торван! — я резко позвала его, и он всё понял:

— Тормозим!

Я слезла с коня и пошла вдоль дороги. Рилан быстро оказался возле меня, и мы начали вслушиваться. Я дала волю своей магии, чтобы проанализировать обстановку. Благодаря магии крови я могла почувствовать их на довольно большом расстоянии — демоны ведь тоже из плоти и крови.

Секунда... три... десять...

— Пятьсот метров на восток, около двадцати пяти особей, по рангу явно не слабаки. Двигутся в нашу сторону, они чувствуют нас. Будут здесь примерно через три-четыре минуты, — я быстро выдала всё, что почувствовала, а затем командным тоном продолжила: — Работаем, как обычно.

— Есть, — услышала я хор своих ребят.

— Послушай, Ника, мы тоже можем... — начал было Джуд, но я оборвала его взглядом, и он понял, что лучше не спорить. Я знала, что они бы справились, но мы давненько не делали никаких вылазок, и, уверена, ребята хотели размяться.

Земля под ногами вдруг стала чужой — будто лес перестал быть просто деревьями и тропой, а превратился в ловушку, которая только и ждала, когда мы расслабимся.

— Три минуты, — выдохнула я, и голос прозвучал жёстко, почти не моим, но моя команда знала, что делать.

Рилан уже не флиртовал. Одним движением он взлетел на толстый сук старого дуба, будто по лестнице, и выхватил лук — не обычный, а с тёмной, будто закопчённой, древесиной и тетивой, мерцающей, как натянутый лунный свет. Он не любил магию, но его оружие было пропитано ею до сердцевины: каждая стрела знала, куда лететь.

Морра скользнула в полумрак между стволами, растворилась, будто её и не было. Её фишка — не сила, не скорость, а умение становиться частью тени. Она не бросалась вперёд, зато ни один демон не прошёл бы у неё за спиной.

А потом они появились.

Не звери. Не волки, не медведи, не что-то, что можно назвать привычным словом. Это были эрефы — так их называли в старых свитках, которые я листала ночами, когда не могла уснуть. Существа, сотканные из сумрака и чужой боли: их кожа казалась не кожей вовсе, а застывшим дымом, сквозь который проступали тусклые прожилки — будто вены из пепла. Глаза у них были без зрачков, сплошная тьма, в которой что-то шевелилось. Они не рычали. Они шептали — низким, скрежещущим звуком, от которого волосы на затылке вставали дыбом.

Их было двадцать пять, как я и сказала. И они шли не как стая, а как волна — ровно, без суеты, будто уже знали, что победа у них в кармане. Но в их уверенности сквозила надменность, свойственная тем, кто привык видеть перед собой лишь слабых. Сегодня они ошиблись.

Первым рванулся Торван. Я никогда не видела, чтобы кто-то двигался так, будто сам воздух ему подчиняется. У него не было привычного меча или топора — он сражался костяными клинками, выставившими из запястий. Не магия, а его собственная природа, наследие древнего рода оборотней, о котором он почти не говорил. Клинки были полупрозрачными, словно из замёрзшего дыма, и при ударе высекали искры, от которых темнел сам свет.

Он не ждал. Шагнул вперёд и одним движением снёс голову первому эрефу — не мечом, а голыми руками, поймав тварь за челюсть и резко крутанув. Хруст прозвучал, как сломанная ветка, только страшнее. Второй эреф попытался ударить снизу, когти рассекли воздух в сантиметре от его живота, но Торван даже не дёрнулся — просто опустил ладонь на плечо твари, и кости под его пальцами хрустнули, как сухие прутья. Огромная сила, но не грубая — выверенная, смертоносная, будто он заранее знал, где у врага слабое место.

Кей двигался иначе. Он был как тень, которая вдруг обретала форму, чтобы ударить, и снова исчезала. Его стиль был похож на мой, но у него не было двух клинков: он работал мечами с чёрными лезвиями, покрытыми рунами, которые гасили любой звук удара. Он не рвался в центр, бил по краям: по сухожилиям, по шее, по глазам. Один удар — и эреф падал, второй — и следующий уже не успевал понять, откуда пришла смерть.

Я держалась рядом, но не копировала его. Мой стиль — это полный контроль тела: каждый уклон, каждый шаг, каждый удар просчитаны, как танец, где ошибка может стоить жизни. Два небольших клинка в моих руках пели, рассекая дымчатую плоть эрефов. Я не тратила силы на размашистые удары — только короткие, точные, в уязвимые точки: между рёбер, под ключицу, в основание шеи. Магия крови помогала чувствовать, где бьётся их странная, вязкая жизнь, и я была туда, где она была ближе к поверхности.

Один эреф рванулся ко мне сбоку, когти сверкнули, как лезвия. Я ушла вниз, перекатом, и в тот же миг мой клинок вошёл ему под рёбра. Он захрипел — и звук этот был не звериным, а почти человеческим, отчего внутри всё сжалось. Я не хотела думать, кем они были раньше. Сейчас они были угрозой, и этого было достаточно.

Сверху свистнула стрела — Рилан работал без пауз. Его стрелы находили цель даже в полумраке, и каждый раз, когда одна из них впивалась в грудь эрефа, тварь оседала, будто из неё вынимали стержень. Он не кричал, не подбадривал — просто стрелял, ровно и спокойно, как будто это была не битва, а утренняя тренировка.

Морра не показывалась, но я чувствовала её присутствие, как чувствуешь стену за спиной: твёрдую, надёжную, непробиваемую. Иногда из темноты доносился короткий, глухой звук — удар, падение, тишина. Этого хватало, чтобы знать: тыл прикрыт.

Эрефы не отступали. Они давили, будто знали, что нас меньше, и хотели использовать это. Но чем яростнее они бросались вперёд, тем отчётливее становилось: мы не просто держим строй — мы диктуем ритм. Их натиск разбивался о нашу слаженность, как волны о скалы.

Один из них, крупнее остальных, с кожей, покрытой тёмными узорами — будто выжженными рунами, рванулся к Торвану. Он встретил тварь лицом к лицу. Она взмахнула лапами, когти просвистели в воздухе, но мой друг шагнул вперёд, не назад, и схватил эрефа за запястья. На секунду они замерли, как в танце, а потом Торван резко дёрнул, и эреф рухнул, сломанный, как кукла.

— Держим строй! — крикнула я, и мой голос прорвался сквозь шёпот демонов, как клинок сквозь туман.

Ещё минута. Ещё одна. Эрефы падали, один за другим, и лес вокруг становился тише, будто даже деревья задерживали дыхание. Их оставалось всё меньше, и в их движениях появилась лихорадочная, отчаянная ярость — они поняли, что проигрывают.

Но они не бежали. Они бились до последнего, будто сама мысль об отступлении была для них невыносима.

И вот остался только он — тот самый крупный эреф, вожак. Он стоял напротив меня, его тёмные узоры слабо мерцали, будто пульсировали остатками силы. Остальные уже лежали неподвижно, а он всё ещё был полон холодной, ядовитой воли.

Мы сошлись. Он ударил — резко, с обманчивым замахом, пытаясь сбить меня с ритма. Я ушла в сторону, клинок скользнул по дымчатой коже, оставляя неглубокий разрез, из которого сочилась не кровь, а густая, мерцающая тьма. Он зарычал — или, вернее, издал тот самый скрежещущий шёпот, который теперь звучал почти как слова.

— Думаешь, ты сильнее? — прошипел он, и я вдруг отчётливо поняла каждое слово. — Думаешь, твоя сталь и магия — это щит? Ты просто отсрочиваешь неизбежное.

Я не ответила. Вместо этого сделала шаг вперёд, сокращая дистанцию, которую он пытался держать.

— Ты не понимаешь, — продолжал он, и в его голосе, если к этому звуку вообще применимо такое слово, слышалась странная, почти горькая уверенность. — Мы не первые и не последние. Они придут за тобой.

— Я слышу достаточно чужих голосов, — холодно бросила я, чувствуя, как по спине ползёт холодок, но не позволяя ему сбить меня. — И твой мне не нужен.

Он снова бросился вперёд, на этот раз без хитростей — в лобовую, вкладывая в удар всю свою остаточную мощь. Я приняла его движение, скользнула вдоль траектории, и в тот миг, когда он потерял равновесие, мой клинок нашёл его сердце — или то, что у него выполняло эту роль.

На секунду его глаза вспыхнули тусклым светом, а затем погасли. Он осел на землю, и последние мерцающие линии на его коже растаяли, как утренний туман.

Мы стояли, тяжело дыша, в кольце из сломанных веток и тёмных пятен на земле. Торван опустил руки, костяные клинки медленно втянулись обратно, оставив на коже лишь тонкие серебристые линии. Кей вытер мечи о рукав и посмотрел на меня — в его глазах читался не вопрос, а готовность: «Дальше?»

Я кивнула, но прежде чем успела что-то сказать, в груди всё ещё звенело от слов вожака. «Они придут за тобой». Я постаралась отогнать эту мысль, спрятать её в самый дальний угол сознания. Сейчас не время. Сейчас нужно было убедиться, что угроза ликвидирована.

Рилан спустился с дерева, на котором устроился, и стряхнул с плеча невидимую пыль.

— Чисто, — коротко бросил он, оглядывая поляну.

Морра вышла из тени, её лицо оставалось спокойным, будто она только что вернулась с прогулки.

Торван тяжело вздохнул, провёл ладонью по лицу, стирая пот и пепельную пыль:

— Неплохо, — произнёс он, криво усмехнувшись. — Почти как на тренировке.

Кей чуть склонил голову, будто прислушиваясь к тишине, которая наконец-то вернулась в лес.

— Почти, — тихо согласился он, глядя на меня. — Но ты слышала, что он сказал?

Я медленно кивнула, не желая показывать, насколько эти слова меня задели.

— Слышала. Но это был просто последний яд умирающего. Не больше.

Кей не стал спорить. Он просто стоял рядом, и этого было достаточно, чтобы я не чувствовала себя одинокой.

— Мы не можем терять время, — сказала я, оглядываясь на группу. Джуд и его люди стояли напряжённые, но готовые.

Быстро собравшись, мы отправились дальше. Я любила сражения, выброс адреналина, но ощущение чужой крови на себе после боя было просто ужасным.

— Ты в порядке? — Торван подъехал ко мне. Я медленно кивнула. Видимо, он тоже понял, что я что-то слышала. О моих, так сказать, способностях разговаривать с демонами знали не все. Только те, кому я безоговорочно доверяла: Михаэль, Торван, Кей, Рилан, Морра, Лиаран и Зоран. Они всегда прикрывали меня и помогали разобраться с причинами, и никогда не считали, что я как-то связана с демонами, не говоря о том, что мы можем быть похожи.

Мы проехали ещё полтора часа, пока деревья не расступились и впереди не блеснуло озеро — отличное место, чтобы разбить лагерь. Я отмылась, поужинала, а затем мы с ребятами собрались возле нашей палатки.

— Что ты услышала? — сразу заинтересовался Торван. И я рассказала им все ощущения и всё, что слышала.

— Только не надо этого взгляда, Никс. Если ты окажешься демоницей, я стану твоим псом-демоном, и мы всё так же будем отличной командой, — Рилан подошёл и крепко обнял меня. Уткнувшись ему в плечо, я замерла на несколько секунд, затем развернулась:

— Ладно, не будем нагнетать. Я так понимаю, мы освобождены от дежурства, так что идёмте спать.

Мы зашли в палатку, каждый лёг в свой спальный мешок. Эта ночь обещала не быть спокойной.

Глава 5

Михаэль

Пламя в камине вздрагивало, будто само чувствовало напряжение в комнате, и отбрасывало неровные, тревожные блики на стены. Тени плясали, как незваные гости, которым здесь не место. Михаэль сидел, ссутулившись чуть больше, чем обычно позволял себе на людях, и крутил в пальцах стакан с виски. Янтарная жидкость казалась слишком спокойной для того урагана, что бушевал у него внутри.

Он думал о Нике, которая отправилась на поиски ответов. Ответов, которые, скорее всего, ей очень не понравятся. Окажутся слишком жестокими. «Возможно, стоило рассказать ей раньше?» — эта мысль впивалась в сознание, как зазубренное лезвие, не давая покоя. Но пока он не был уверен на сто процентов, что это хорошая идея.

Память возвращала его к другу, который последние десятки лет был сам не свой. Будто демон поселился в его сердце, оставляя лишь пепел ярости. Николас Морнвейл уничтожал всё на своём пути: города, армии, судьбы. Жажда войны и убийства сводила его с ума. И несмотря на все ужасы, которые до сих пор не оставляли Михаэля ни на минуту, терзая ночами, как когтистые пальцы, вцепившиеся в грудь, — несмотря на стыд и сожаления, тяжёлые, словно свинцовые цепи, — он всё равно вспоминал Николаса как справедливого друга, за которым был готов пойти даже в самое пекло. В те времена, когда в его глазах ещё горел свет, а не только отблеск грядущей тьмы.

В тот несчастный день, когда они разбили лагерь, чтобы отдохнуть перед штурмом столицы Аэльторна, Николас нашёл её — ведьму, живущую в лесной чаще, с такими же сумасшедшими глазами, как и у самого генерала. Он истязал, издевался и насиловал её на протяжении двух суток, и тишина вокруг лагеря стала самой страшной музыкой, какую Михаэль слышал в жизни. Никто не смел мешать генералу, потому что все боялись. Боялись, что следующими могут стать они сами.

А Михаэль стоял у входа в палатку, стискивая кулаки до хруста костей, и чувствовал, как внутри что-то ломается, крошится, осыпается пылью бессилия. Он не мог пойти против командира, не мог поднять руку на того, кого когда-то называл братом по оружию, — и эта невозможность жгла его хуже любого клинка. В то время Николас уже не помнил ни своих подчинённых, ни друзей, а уж тем более принципов и ценностей, которых придерживался всю свою долгую жизнь.

После того как всё закончилось и государства подписали пакт, Михаэль вернулся в тот дом ведьмы. И, к своему удивлению, нашёл её живой. Она лежала на полу, вся избитая и израненная, еле дышала — так тихо, что, казалось, дыхание вот-вот растворится в воздухе, как дым над остывшим костром. Когда он уже собирался уйти, она прошептала, откашливаясь кровью: — Хочешь, чтобы ребёнок твоего друга умер?

Михаэль резко развернулся, не веря ни ушам, ни сердцу, которое вдруг заколотилось где-то в горле. Это было невозможно. Ведьмы не могли иметь детей от фейри. Но её взгляд оказался настолько пронзителен и полон убедительности, что он не смог оставить её умирать. В этом взгляде была не просто просьба — в нём таилась угроза, обещание, что, если он уйдёт, тьма поглотит и его, и всё, что ему дорого.

Он вывез ведьму в самую гущу леса и построил там подобие дома. Через три месяца у неё начал проявляться живот. Михаэль не задавал вопросов — ему было неинтересно, как такое

возможно. Вернее, он боялся услышать ответ. Боялся, что правда окажется страшнее любой лжи. Но если это действительно дитя Николаса, он был обязан защитить его любой ценой.

После появления малышки жизнь Михаэля разделилась на «до» и «после». Он больше не видел ни в чём смысла, кроме этой маленькой девочки, чей тихий плач звучал для него громче любого боевого рога. Единственное, чего он хотел, — забрать её от ведьмы и спрятать, защитить, укрыть от всех бурь. Но не мог. Он ничего не понимал в ведьминской магии, не смог бы её обучить, а малышка унаследовала всю мощь двух рас.

Пятнадцать лет он смотрел, как ведьма издевается над собственным ребёнком, и каждый раз представлял, как убивает её самыми мучительными способами. Эти фантазии были его единственной отдушиной, единственным способом не сойти с ума от бессилия. Он так и не понял, чего она добивается: то ли пытается взломать законы магии, то ли просто упивается властью, то ли мстит всему миру за собственную сломанную судьбу. А затем ведьма внезапно скончалась — и тогда он наконец принял решение. Покинул свой двор, чтобы защитить Нику и подарить ей хотя бы подобие семьи и счастья.

Скрип двери заставил его вздрогнуть. Михаэль обернулся и увидел Лиарана.

— Как думаешь, всё будет в порядке? — спросил тот, заходя в кабинет. Взгляд у него был такой, словно он уже жалел о своём вопросе, но не мог не задать его. В голосе не было ни упрёка, ни осуждения — только такая же глухая, тяжёлая тревога, какая давила и на Михаэля.

Михаэль медленно поднял взгляд. На секунду в его ярко-зелёных глазах мелькнуло что-то такое, чего он никогда не позволял себе показывать на собраниях: не гнев, не усталость, а чистый, острый страх. Он сделал глубокий вдох, будто пытался втянуть в себя не воздух, а хоть каплю уверенности, которой не было, и наконец глухо произнёс:

— Я не знаю. До сих пор не понимаю, как согласился на эту авантюру. Но ты видел её горящие глаза... Мы бы всё равно ничего не смогли сделать — она бы ушла.

Он снова поднёс стакан к губам, но не пил, только держал, словно холодный хрусталь мог хоть немного унять дрожь, которую он прятал за каменной маской.

Лиаран кивнул, не пытаясь спорить. Он знал: когда у Ники загорались глаза, спорить было бесполезно. Это упрямство, эта отчаянная жажда ответов были в ней с детства — и именно они делали её одновременно невыносимой и невероятно сильной. И так сильно похожей на биологического отца, которого Лиаран часто вспоминал, смотря на Нику, с болью в сердце и большими сожалениями.

— Зоран уже приступил к подготовке группы на всякий случай, — продолжил Михаэль, и в его голосе вдруг прорезалась привычная твёрдость, будто он цеплялся за дело, чтобы не рассыпаться на части. — Представляешь, я ему даже приказа не отдавал.

— Потому что Ника важна ему так же, как и мне, — тихо ответил Лиаран. — Если надо, мы все умрём, но должны защитить мирных жителей.

Михаэль на мгновение прикрыл глаза. Эти слова, простые и страшные, ударили по самому больному. Он столько лет строил этот город, чтобы здесь никто не должен был умирать за чужие ошибки. А теперь он сам, своими руками, отпустил Нику туда, где смерть ходит по пятам.

— Не волнуйся, у меня есть пара вариантов отхода, — сказал он, уже не как отец, а как командир, которому нельзя показывать слабость. — Завтра начнём изучать их. Надеюсь, до этого не дойдёт, но мы должны быть готовы.

Он наконец сделал глоток, но виски не согрел. Внутри по-прежнему было холодно — так холодно, как бывает только тогда, когда понимаешь, что самое дорогое сейчас там, где ты не можешь встать перед ним живым щитом. Михаэль снова посмотрел на огонь, будто надеялся увидеть в пляске языков пламени хоть какой-то знак, что с Никой всё в порядке. Но пламя молчало. Оно только трещало, как натянутая до предела струна, готовая вот-вот лопнуть.

Глава 6

Ника

Чем ближе мы подъезжали к дому, в который нас отправил Михаэль, тем сильнее становилась моя тревога. Дом находился примерно в пяти километрах от столицы, но Рилан, как обычно, разбавлял атмосферу — его шуткам не было конца.

— Да замолчи ты уже! — закричала Морра, когда мы подъехали к дому.

— О, малышка Морра, наконец-то голос прорезался, а я уж думал, что в ближайший месяц тебя не услышу, — парировал Рилан, спрыгивая с коня. — Ну, домишка ничего такой с виду. Надеюсь, там две спальные комнаты — я выбираю спать с Моррой.

— А я выбираю спать в лесу, — грозно отрезала Морра и повела в стойло свою лошадь.

— Так, думаю, лучше, если ты с Кеем и Моррой останешься, а мы съездим, разведем обстановку и закупим продуктов, — Торван подошёл ко мне и умоляюще посмотрел. Я знала, что он хочет, чтобы я отдохнула, но тогда ему стоило забрать Кея с собой.

— Хорошо, идите. Но не подпускай Рилана к борделям.

Мы оба пробуравили его взглядом, на что услышали:

— Вы что, правда считаете, что у меня на уме один только секс?

— Да, — в один голос ответили мы с Торваном. Рилан закатил глаза и сделал вид, что обиделся, но мы все знали правду. О его похождениях можно написать отдельную книгу.

Торван и Рилан уехали, а Морра осталась заниматься лошадьми. Её спокойные, размеренные движения среди фыркающих, нетерпеливо перебирающих копытами животных выглядели почти ритуалом: она говорила с ними тихо, без команд, и кони будто прислушивались к этому голосу, становясь тише.

А мы с Кеем отправились изучать дом. Это был обычный деревянный домик — не крепость, не убежище, а просто тихое место, затерянное среди деревьев. Пара спален с низкими потолками, кухня, плавно перетекавшая в гостиную, где пахло сухими травами и старым деревом, ванна с туалетной комнатой, скромно спрятанная в дальнем углу. В принципе, если нам придётся остаться здесь надолго, место было комфортным. Но в этой простоте таилась своя странность: дом будто не принадлежал никому, но при этом был готов принять любого — чистые простыни, аккуратно сложенные полотенца.

Мы разложили вещи, не торопясь, будто боялись нарушить эту хрупкую тишину. Вода в ванне была прохладной, почти ледяной, и она смывала не только дорожную пыль и запах битвы, но и ту липкую тяжесть, что оседала на коже после встречи с эрефами. Перекусили тем, что осталось с дороги: чёрствый хлеб, вяленое мясо, горсть орехов — еда без вкуса, но она возвращала силы.

Потом я вышла на небольшую веранду, вдыхая прохладный воздух, будто пыталась прогнать из головы лишние мысли, выдуть их ветром, растворить в наступающих сумерках. Доски под ногами были чуть шершавыми, тёплыми от дневного солнца, которое уже спряталось за лесом. Где-то далеко кричал ночной хищник, а совсем рядом тихо шелестели листья, будто перешёптывались между собой.

Услышав шаги, я не стала оборачиваться — и так знала, кто это. Лёгкие, почти бесшумные, но в них не было попытки подкрасться; Кей никогда не прятался от меня. Он остановился рядом, не слишком близко, но и не на расстоянии, которое можно было бы назвать отстранённостью.

— Тут тихо, — произнёс он наконец, и в этом «тихо» было не отсутствие звуков, а что-то большее: редкая возможность услышать собственные мысли, не перекрываемые шёпотом демонов, криками битвы или тяжёлым дыханием страха.

Я кивнула, не глядя на него, но чувствуя, как его присутствие выравнивает внутренний ритм, словно рядом стоял не просто соратник, а якорь, удерживающий меня от того, чтобы не унесло в бурю.

— Слишком тихо, — добавила я, и сама удивилась, насколько честно это прозвучало. — Как будто мир затаил дыхание. И мне от этого беспокойно.

— Но ты же не думаешь и правда отдыхать? — в его голосе был тот самый сарказм, который я любила: он не жалел, не уговаривал, а просто признавал, что мне сейчас нужно не тепло одеяла, а сталь в руках.

Я кивнула. Он протянул мне клинки, и металл на секунду показался теплее моих пальцев.

— Идём.

Рилан и Торван

Рилан и Торван уже подъезжали к столице, и каждый мускул у обоих был натянут, как тетива перед выстрелом. Единственное, что хоть немного успокаивало Торвана, — уверенность в магии Ники. Она не подведёт. Но мысль о том, что они могут встретить ведьму, погружала в самые мрачные мысли, тяжёлые, как свинцовые цепи: стоило только представить эти холодные, оценивающие взгляды, как по спине пробегал липкий холодок.

Удивительно, что их злейшими врагами были ведьмы — и при этом такой же была и их капитан, которой они были готовы доверить свои жизни и идти вместе с ней навстречу любым опасностям. В этом противоречии и заключалась вся их правда: Ника не была похожа на тех ведьм, что веками ломали судьбы. Её магия не служила жадности и власти — она служила свободе.

Никто не знает, как всё началось, но примерно тысячу лет назад в результате чудовищных экспериментов ведьм появились оборотни. Ходили даже самые нелепые байки, вроде того, что фейри родила ребёнка от волка. Бред, конечно, но, зная, на какое безумство готовы ведьмы ради получения силы, это звучало вполне правдоподобно.

Правда, тут была одна деталь, которую все, кто хоть немного разбирался в природе магии, знали наверняка: ведьмы не могли иметь детей от фейри. Ни при каких обстоятельствах. Их магия — жёсткая, угловатая, построенная на крови и ритуалах — отторгала тонкую, текучую силу фейри, словно масло воду. Любые попытки соединить эти две линии в одном роду заканчивались одинаково: выкидышами, мёртворождёнными или, в редких случаях, ребёнком, который сторал от собственной магии ещё до первого крика. Это было не просто несовместимо — это было смертельно. Именно поэтому ведьмы и делали ставку на людей: человеческая плоть была податливой, не сопротивлялась ведьминской крови, позволяла ей прорасти и крепнуть.

В результате тех экспериментов появились существа, такие же бессмертные, как и фейри, но не обладающие магией в прямом её понимании. Она текла в оборотнях, но они могли влиять на неё лишь косвенно — наделять большей силой или прочностью оружие, вкладывать в клинок часть своей ярости. Создавать огненные шары? Нет. Зато физическая сила и выносливость были намного выше, чем у человека, а порой и у многих фейри. Встречались и те, кто мог создавать магией оружие из собственных костей — вроде костяных клинков Торвана, полупрозрачных, будто из замёрзшего дыма.

Ведьмы и люди всегда были в своего рода союзе, но на самом деле каждый преследовал свою выгоду. Ведьмы получали мужчин в неограниченном количестве — они были необходимы для продолжения рода. В случаях, когда рождались мальчики, их просто убивали, так

как они не могли перенять магию, а существование отпрыска без магических сил ведьмы не допускали. Только девочки могли унаследовать ведьминскую магию.

В свою очередь, люди получали «рабскую силу» — оборотней. Ведьмы и создали их с этой целью: посадить на цепь и предложить людям расу, которая была крепче, сильнее и долговечнее. Идеальные солдаты для войн с фейри и идеальные слуги для тяжёлой работы. Поэтому Ника для них была как глоток свежего воздуха, спасительница. Хотя работы в этом ключе было много: однажды им придётся воевать за свою свободу. Но сейчас слухи разнеслись по всему континенту, что оборотни нашли способ скидывать магические ошейники, и ведьмы были очень насторожены. На самом деле появилась полукровка, которая готова на всё, чтобы развалить эту систему.

Рилан и Торван переглянулись и поняли, что думают об одном и том же.

— Не нагнетай, я вижу эти мрачные мысли в твоей голове, — Рилан взглянул на Торвана и подарил самую яркую улыбку, какую только мог выжать из себя в такой момент. Она была немного натянутой, но в ней было столько искреннего желания прогнать тьму, что Торван невольно чуть расслабил плечи.

— Думаешь, Ника справится?

— Как ты можешь в ней сомневаться? — Рилан говорил твёрдо, без колебаний, будто ставил точку в споре, которого не было.

— Не знаю... Просто в последнее время она сама не своя, — с тяжёлым грузом произнёс Торван, и в этих словах прозвучала не слабость, а боль того, кто слишком сильно переживает за близкого человека.

— Она справится. Уверен. Сегодня Кей приведёт её в чувства, — с уверенностью сказал Рилан, потому что знал: связь между Никой и Кеем была очень сильна. И он был единственным, кто сможет вправить ей мозги, не сломав при этом её гордость.

— Я надеялся, она отдохнёт, — с грустью сказал Торван. Это было правдой. Последние несколько месяцев все заметили в ней изменения, но молчали и просто ждали. Они никуда не выбирались, просто тренировались, а их капитан зарылась в книги, будто пыталась найти ответы на вопросы, которые боялась задать вслух. Их даже как-то вызвал Михаэль «на ковёр» и пытался выяснить, что происходит, но никто не знал — все просто ждали. А теперь они снова в столице.

Торван поверить не мог: он снова в этом месте, которое хотел навсегда вычеркнуть из своей памяти. Здесь пахло не просто роскошью — здесь пахло кровью и предательством, замаскированными под благовония и позолоту. Но если дело того требует, значит, полный вперед.

— Кей не допустит этого. А ты перестань уходить в себя, у нас много дел. И... может, всё-таки заедем изучить местный колорит? — словно боясь, спросил Рилан. Он пытался хоть немного вернуть в их разговор лёгкость, ту самую, что помогала им выживать в самых тёмных местах.

И был прав, что боялся. Торван резко одёрнул:

— Нет. Даже не думай!

— Понял, понял... — Рилан тут же поднял руки в примирительном жесте, но в его глазах мелькнуло что-то ещё: не обида, а понимание. Он знал, какие воспоминания прячутся за этим резким отказом, и не хотел беречь старые раны.

Они двигались по столице, и город кричал о богатстве на каждом шагу, будто пытался оглушить этой роскошью любого, кто посмел бы усомниться в его величии. Огромные здания взмывали в небо, словно бросая вызов самим облакам, их фасады сверкали мрамором и позолотой, а витражи переливались всеми оттенками драгоценных камней. Дорогие церкви с высокими шпилями тянулись к солнцу, будто хотели дотянуться до богов и потребовать у них ещё больше славы. Роскошные рестораны манили ароматами пряностей и жареного мяса, от которых даже у сытого человека просыпался волчий аппетит.

Фонтаны били хрустальными струями, рассыпая в воздухе миллионы крошечных радуг, а сады поражали буйством красок: здесь росли цветы, которых не встретишь в обычных лесах, — экзотические, выведенные магией, с лепестками, отливающими серебром или тёмно-синим, почти чёрным цветом. Сразу было видно, что на создание этой красоты потребовалось немало сил и денег, но ещё больше — рабского труда.

Эта картинка полностью отличалась от того, что происходило далеко от столицы: там царили нищета, страх и безысходность, а здесь всё было устроено так, чтобы никто не смел об этом вспоминать. Здесь каждый камень, каждый позолоченный завиток кричал: «Мы победили. Мы сильнее. Мы имеем право». И в этой кричащей красоте было что-то пугающее, словно под слоем золота пряталась гниль, готовая в любой момент прорваться наружу.

Подъехав к арене, Торван увидел охранника, соскочил с коня и направился к нему. Выяснить подробности турнира не составило труда: охранник выложил всё, как на духу. Конечно, не обошлось без награды — тяжёлый мешочек с монетами быстро развязал ему язык.

— Ну, что там? — поинтересовался Рилан, когда они уже отъезжали от арены.

— Ничего серьёзного. Обычный турнир, обычные правила. Она справится, — спокойно ответил Торван, но в глубине души понимал: «обычный» турнир в этом городе никогда не бывает просто соревнованием. За каждым ударом клинка, за каждым броском копья прятались чьи-то интересы, чьи-то амбиции, а порой и чья-то смерть. Но он не хотел делиться этими мыслями с Риланом. Пусть хотя бы один из них сохранит в себе эту лёгкую, почти детскую веру в то, что всё обойдётся.

Солнце медленно клонилось к закату, окрашивая золотые шпили в кроваво-красный цвет. Казалось, сама столица примеряла маску хищника, готовясь к ночи, когда её истинные лица выйдут на улицы. И Торван знал: чем ярче и прекраснее была эта маска днём, тем страшнее становилось под ней ночью.

Ника

Мы вышли на более-менее свободное пространство за домом. Трава здесь уже была приюта в нескольких местах — словно сама земля запомнила, где мы обычно встаём друг напротив друга. Как всегда, первым делом разулись. Мы всегда так тренировались — без брони, в обычной одежде: лёгкие рубахи и штаны не сковывали ни шага, ни поворота, а босые ступни чувствовали каждый камешек, каждый уклон почвы, будто сама земля подсказывала, где лучше поставить ногу.

Я встала в стойку, привычно проверяя опору: вес на подушечках стоп, колени чуть согнуты. Клинки легли в ладони как родные, будто не сталь, а продолжение моих рук. Кей, напротив, даже не делал вид, что собирается нападать, — просто стоял, чуть склонив голову, и смотрел так, будто заранее видел, куда пойдёт мой первый удар.

— Не тyani, — тихо сказал он.

И я рванулась. Не на силу, а на скорость и точность: короткий финт, шаг вбок, клинок скользнул по воздуху, как по воде. Кей ушёл в сторону так плавно, будто не двигался вовсе, а само пространство чуть сместилось вокруг него. Наши клинки встретились сухим, резким звоном. Я тут же ушла вниз, перекатом, чтобы зайти ему под руку. Он легко переступил, не разрывая дистанции, и снова оказался напротив.

Мы двигались без слов, без брони — только дыхание, шаги, редкие удары, которые то гасли в скрежете металла, то растворялись в воздухе, потому что один из нас успевал отвести клинок на долю мгновения раньше. Это был не бой, а наш привычный разговор на языке тела, который мы выучили до автоматизма.

Но на третьем круге внутри вдруг что-то дрогнуло. Мелькнула мысль: «А если в столице всё пойдёт не так? Если книга ничего не даст, а я только подставляю всех?» Этой секунды хва-

тило. Кей не ударил в полную силу — он просто чуть ускорился, шагнул внутрь моей защиты, и клинок его прошёл не по касательной, а чуть глубже, чем обычно: по рёбрам, сбоку, там, где тонкая ткань рубахи не могла защитить.

Рана получилась серьёзнее прежних — не просто царапина, а разрез, который сразу начал гореть и наливать кровью. Тёплая влага поползла по боку, пропитывая ткань, и я замерла, чувствуя, как мир на миг сузился до этой острой, жгучей линии боли. В груди всё сжалось, но не от раны — от собственной глупости: потерять фокус на тренировке, когда впереди турнир, было непростительно.

Кей тут же опустил оружие, не отходя, но и не приближаясь резко, будто боялся спугнуть.

— Ты ушла, — спокойно сказал он, без упрёка, просто констатируя факт. — На секунду, но ушла.

Я коснулась раны, поморщилась от того, как остро отозвалась кожа, и криво усмехнулась:

— Прости. Задумалась.

Он покачал головой:

— Не извиняйся. Просто помни: здесь я тебя подстрахую. А там... — он не закончил, и не нужно было. Там, на арене, под взглядами королей и интриганов, у меня не будет права на эту секунду.

Кей подошёл чуть ближе, ровно настолько, чтобы я точно слышала:

— Ты всегда валила меня на ноги, потому что была собрана до хруста. Сейчас ты не собрана. И это нормально: ты устала, боишься, думаешь о тысяче вещей сразу. Но на турнире тебе придётся оставить всё это за пределами арены.

Я кивнула, сжала рукоять клинка крепче, чувствуя, как металл снова становится продолжением руки. Боль понемногу оседала, превращаясь в ту самую холодную ясность, к которой я привыкла.

— Я справлюсь, — сказала я, и в этот раз в голосе не было бравады, только твёрдость, которую хотелось проверить делом.

Кей чуть улыбнулся — той самой редкой, короткой улыбкой, которую дарил только мне:

— Знаю. Но пока давай просто поработаем над тем, чтобы ты снова начала меня ронять.

Мы снова встали друг напротив друга. На этот раз я не думала ни о столице, ни о книге, ни о демонах. Видела только Кея: его взгляд, плечи, едва заметный наклон головы перед движением. Пошла вперёд — удар вышел чистым, точным, без лишнего веса.

Но Кей всё равно оказался быстрее. Короткий контакт клинков, ещё один укол, лёгкий, почти невесомый, по плечу — будто напоминание, что я ещё не вернулась туда, где должна быть.

— Опять, — только и сказал он.

Я выдохнула, улыбнулась уже искренне, без напряжения:

— Ещё раз.

В этом «ещё раз» не было отчаяния. Только уверенность: пока Кей стоит напротив, я успею вернуть ту самую собранность, что столько лет спасала меня от гибели. И этого было достаточно, чтобы снова поднять клинки и сделать шаг вперёд.

Мы тренировались почти шесть часов подряд. Пот стекал по спине, смешиваясь с кровью из раны, а мир сузился до дыхания, шагов и звона клинков. И вдруг я почувствовала через магию крови, что Рилан и Торван вернулись. На долю секунды я потянулась к этому ощущению, пытаясь понять, всё ли с ними в порядке, — и этого хватило.

Моё отвлечение снова сыграло со мной злую шутку. Если бы Кей не остановился в самый последний миг, его клинок пронзил бы меня насквозь. Он замер, едва успев затормозить движение, и в его глазах читался такой дикий, почти животный ужас, будто он только что чуть не убил самое дорогое, что у него было.

Я опустила клинки, и они с глухим стуком легли на траву — будто даже сталь устала. Потом я просто рухнула на землю, не пытаюсь смягчить падение, потому что сил не осталось даже на это.

Кей присел рядом, не касаясь меня, словно боялся, что любое прикосновение сейчас сломаёт. Мы долго молчали. Я смотрела на небо, где облака тянулись длинными серыми лентами, будто пытались унести с собой все мои мысли. Но они не уносили.

Наконец Кей нарушил тишину:

— Ты должна собраться, иначе погибнешь там, а вместе с тобой и мы. Подумай над тем, что для тебя важнее: наши жизни или ответы. Если понадобится, просто проиграй.

— Кей, я... — но я не знала, что сказать. Слова рассыпались, как песок сквозь пальцы.

— Когда-то ты собрала меня по кусочкам, вытащила из личного ада. Но я так не умею. Я всего лишь преданный головорез, готовый пойти с тобой в ад. Поэтому прошу: очисти голову. Иначе мы все — трупы.

Я посмотрела на него и тяжело вздохнула. Рана начинала заживать, но всё ещё кровоточила: регенерация у полукровок не такая быстрая, как у обычных фейри. Каждая капля напоминала, что я не всеильна.

— Ещё раз, — наконец сказала я.

— Ника... — я знала, что он хочет сказать.

— Я разберу этот шум. Сначала одно, потом другое. Сейчас я просто встану, подниму клинки и снова буду той, которая валит тебя на землю.

Он чуть кивнул, не улыбаясь, но в его взгляде мелькнуло облегчение — не от того, что я согласилась, а от того, что я снова стала собой.

Кей молча поднял клинок, не торопясь, без размаха. В этом движении не было угрозы — только приглашение: «Давай, последний раз». Я кивнула, тоже без слов. Нам не нужны были команды. Мы знали друг друга слишком хорошо.

Я пошла вперёд ровно, без лишней спешки. Первый удар — прямой, честный. Кей принял его на плоскость, сталь звякнула сухо. Он не ушёл в сторону — шагнул навстречу, сокращая дистанцию до опасной, будто напоминая: «Я здесь, не прячься за скоростью».

Я ушла перекатом, а когда встала, в голове наконец стало тихо. Только ритм. Только движение.

Выпад — чёткий, выверенный. Кей на долю секунды замешкался, клинок дрогнул. Я не ударила — лишь провела остриём в сантиметре от его груди.

Он замер, потом чуть улыбнулся:

— Наконец-то. Ты вернулась.

Я опустила оружие, чувствуя, как выравнивается дыхание.

— Ненадолго, — усмехнулась я. — Но хватит.

Кей кивнул.

— Пойдём. Рилан наверняка уже всё в городе перевернул, а Морра готова его прирезать.

Я тихо рассмеялась. Мы выбрали обувь и не спеша потопали в сторону нашего временного дома. Бок ныл, но в груди было спокойно — впервые за долгое время.

Заходя в дом, мы услышали, как Морра и Рилан собачатся. Торван готовил — он был превосходным поваром.

— О боже мой, Ника, кровь! — Морра быстро вскочила и начала осматривать меня испуганными глазами.

— Я в порядке, уже зажила, — повторила я чуть твёрже, чем нужно, будто пыталась убедить не только Морру, но и себя: бок всё ещё ныл, и каждый шаг отзывался тупой, упрямой болью.

— Я же сказал тебе отдыхать, — Торван явно был недоволен.

— Ей это было нужнее, — парировал Кей и направился в душ.

— Даже малыш Кей сегодня многословен, что происходит? — вслед ему прокричал Рилан.

После душа мы расселись за стол. Еда была просто восхитительна, и мы все дали это понять Торвану, но после уже перешли к делу:

— Что узнали?

Торван разложил на столе несколько листов и заговорил ровно, будто перечислял ингредиенты для супа, а не условия, от которых зависела жизнь:

— Завтра открывается регистрация для обычных участников. Сутки на то, чтобы подать заявку. Бои начнутся послезавтра, а имя соперника ты узнаешь, только когда выйдешь на арену. От нашего королевства участвуют пять оборотней, от Велмара — четыре фейри. Кто именно — неизвестно. — Торван чуть наклонил голову, подчёркивая самое важное: — Никакого колдовства. Только холодное оружие. Поединок заканчивается сдачей, отключкой или смертью. А сколько дней продлится турнир и сколько будет боёв — скажут в первый день. Никто не знает, сколько вообще заявится.

Они смотрели на меня, и в их глазах была надежда — на то, что я всё-таки откажусь. Но я не могла.

— Ясно. Пора спать, — коротко бросила я. — Завтра многое решится.

Я поднялась и пошла в комнату, а следом за мной — Морра. Мы вошли молча. Не знаю, что ей сказать: моя подруга всегда молчалива и нелюдима, и я понимаю почему. Слова для неё — как лишний груз, который только тянет вниз. Ей куда проще выразить всё делом: взмахом клинка, точным движением, взглядом, в котором читается: «Я прикрою».

Я развернулась и присела на кровать. Усталость накатывала — не физическая, не та, что смывается горячей водой, а глубокая, выедающая изнутри.

Морра начала копошиться в сумке и достала какой-то пузырёк — тёмное стекло, оплетённое тонкой медной проволокой, с крошечным восковым оттиском в виде волчьей лапы. Она поднесла его мне без слов, но в этом жесте было больше, чем в любой длинной речи.

— Это поможет, — наконец тихо произнесла она.

Я взяла пузырёк, ощутив его прохладу, и выпила. Горькое, травянистое, с привкусом полыни и чего-то ещё, незнакомого, но родного. Морра уже отставляла в сторону свою потрёпанную сумку — пальцы двигались привычно, без суеты, с той уверенностью, которая появляется, когда знаешь каждую склянку по запаху. Серебряные нити в её косе тускло поблёскивали в свете свечи. Затем я подняла глаза на мою подругу. В её тёмно-зелёных глазах, спокойных, но всегда готовых вспыхнуть боевой яростью, я увидела беспокойство. Оно пряталось где-то глубоко, за привычной бронёй сдержанности, но я его заметила. И она молчала, словно говорила: «Я верю в тебя, потому что отлично знаю».

Сон сам стал наваливаться, тяжёлый и мягкий, как меховое одеяло в морозную ночь. Я легла и закрыла глаза, но в последний момент услышала её тихий, чуть хриловатый голос — такой редкий, что каждое слово в нём звучало особенно весомо:

— Ты должна победить, несмотря ни на что. Просто стань собой, Ника, прекрати переживать из-за всякой ерунды, и ты справишься.

Сон стал наваливаться на меня...

А пока я мысленно возвращалась в тот день, когда мы вытащили Морру.

Торговая группа, доставлявшая магические кристаллы в крупный южный город, донесла о борделе, где насильно держали девушек-оборотней. Их было около пятнадцати. У таких заключённых не было выбора: им приходилось выполнять всё, что только придёт в головы этим людям, претворять в жизнь их самые грязные фантазии.

Недолго думая, я, Кей, Рилан и Торван отправились их вытаскивать. Место и правда было просто ужасное. Но пришлось поиграть в шпионов. Пока ребята изучали город и готовили

планы отступления, я с помощью магии наложила на себя чары, чтобы казаться оборотнем. Схватили меня быстро — и десяти минут не прошло.

Бордель стоял на окраине, будто специально спрятанный в тени между складами и заброшенными мастерскими. Его фасад был обманчиво опрятным: резные ставни, выцветшие ленты, лёгкий аромат жасмина, который должен был манить, но на деле только подчёркивал фальшь. А внутри... внутри пахло не цветами, а страхом: густой, липкий запах пота, дешёвых духов, пролитого вина и чего-то горького, почти металлического — будто само место впитывало боль своих пленниц.

Коридоры были узкими, с низкими потолками, и каждый шаг отдавался эхом, как будто дом сам подслушивал. По стенам тянулись тусклые масляные лампы, их свет дрожал, выхватывая то перекошенную дверь, то тёмное пятно на полу, то тень, которая на секунду казалась живой. В воздухе висел гул: пьяные голоса, смех, тяжёлые шаги, а из отдельных комнат доносились звуки, от которых хотелось заткнуть уши и бежать.

Среди этих людей были и фейри — я не думала, что, несмотря на пакт, их будут допускать в наши земли и в такие места развлечений. Но, видимо, дружба была крепче, чем казалось, или, вернее, жажда власти и удовольствий была сильнее любых договоров. Их холодные, оценивающие взгляды скользили по девушкам, и от этого становилось ещё хуже.

Когда меня взяли в плен, ведьмы сразу заковали в магический ошейник. Я прикинулась, что это сработало, но на самом деле могла в любой момент скинуть его, так как сама была ведьмой. Хоть моя магия и была странной и непонятной, я была рада ей в такие моменты, потому что могла спасать жизни и снимать эти ужасные сковывающие цепи.

Мне было немного страшно, но не из-за охраны, ведьм и возможности сражения. Страх был тоньше, глубже, царапал где-то под рёбрами: я не хотела оставаться наедине с этими мужчинами. Конечно, магия иллюзии сработает на отлично — они получают такое удовольствие, которое не получили бы даже в реальности. Но, учитывая, что я ещё ни разу не целовалась, дискомфорт был очень ощутим.

Михаэль не подпускал ко мне мальчишек, вечно говорил, что я ещё слишком молода для любовных дел. Мы вечно спорили по этому поводу, ведь мне уже скоро перевалит за сотню лет. По меркам людей я должна была уже сгнить под землёй, но по меркам фейри я едва ли перестала держать соску во рту. А ещё Кей, Рилан и Торван, как каменные стены, сразу отгоняли мальчишек. Если кто-то проявлял симпатию, они сразу давали понять, что здесь ничего не светит: «Если хочешь ходить на свидание, то только с кем-то из нас, а для серьёзных любовных игр ещё надо подрасти». Иногда меня это бесило, но на самом деле времени как такового не было: мысли занимали тренировки, вылазки и изучение магии.

После того как на меня нацепили ошейник, повели по коридорам, чтобы отмыть и привести в порядок. Мне казалось, что путь был бесконечным. Я слышала стоны, крики, звон разбитых бутылок. Дурман стоял во всём здании; не представляю, как девушки здесь жили. Но пока мы шли, я также изучала все ходы и выходы, отсчитывала шаги для отступления. План состоял в том, чтобы вытащить всех сегодня на рассвете: это было самое спокойное время в борделе — ночь не подходила из-за наплыва клиентов.

Мы зашли в ванную — маленькое помещение с облупившейся плиткой и ржавой ванной, над которой висел тяжёлый пар. Со мной настолько долго провозились, что сегодня работать я уже не могла. Все комнаты были заняты, и я мысленно поблагодарила судьбу: эту ночь я проведу в комнате, а не в одной из тех дверей, за которыми пряталась самая тёмная сторона этого места.

Дождавшись нужного времени, я начала действовать. Дверь была заперта, но взломать её не составило труда. Я направилась по комнатам собирать девушек. Не все соглашались уйти, и я понимала их недоверие: после стольких лет обмана и насилия любая надежда казалась ловушкой. Сюда они всегда смогут вернуться, а вот выбраться — один-единственный шанс.

Пришлось прибегнуть к магии разума, чтобы убрать их боязнь и неуверенность, но делала я это бережно, без насилия, стараясь не ломать их волю, а лишь дать ей опору.

Пятнадцать девушек следовали за мной по коридорам к чёрному выходу, где нас ждал Торван с повозкой. Особых проблем не было, пришлось разобраться лишь с парой охранников: я справилась с ними быстро и бесшумно, будто они были не врагами, а просто помехой на пути.

Когда мы уже отъехали от города, то разбили небольшой лагерь у ручья, где вода пела на камнях, будто ничего плохого в мире и не существовало. Там я объяснила девушкам, что мы можем предложить и куда отвезти, рассказала обо всех подробностях клятвы крови, чтобы они понимали: это не просто убежище, а союз, в котором каждый платит свою цену за безопасность. В случае если кто-то отказывался, я стирала воспоминания о нас и отпускала, но в этот раз все согласились пойти с нами.

Морра была среди этих девушек, но познакомились мы уже позже. Линда, старая волчица, обычно помогавшая адаптироваться новеньким к жизни в нашем городе, пришла ко мне спустя пару недель после того, как мы доставили девушек. Рассказала, что есть девчонка, которая никак не может вписаться и, скорее всего, у неё не получится: слишком озлобленная, закрытая и замкнутая.

Я предложила Морре тренировки — попробовать выпустить ярость. Мы проводили их каждый день, если я не уезжала на задания. Морра молчала. Лишь спустя полгода она сказала мне первые слова, и я узнала её историю: её мать была служанкой в знатной семье, их глава постоянно её насиловал, так и появилась Морра. А когда её мать умерла от туберкулёза, собственный отец продал её в возрасте семи лет в бордель, так как она тоже была никому не нужной полукровкой — человека и волчицы. И там она провела последние двадцать шесть лет.

Спустя год наших тренировок Морра попросилась с нами на задание, а потом я и сама не помню, как она стала частью нашей команды.

Теперь, думая о ней, я видела не ту замкнутую девушку, которую когда-то едва удавалось вытянуть на разговор, а настоящую опору. Среднего роста, подтянутая, с сильными, но изящными руками — в них одинаково уверенно смотрятся и меч, и склянка с зельем. Тёмные волосы до плеч обычно заплетены в простую косу или собраны лентой; несколько тонких серебряных нитей вплетены как оберег. Её тёмно-зелёные глаза оставались спокойными, но в них легко читалась готовность к бою: будто даже сейчас, в тишине, она держала весь мир на прицеле и была готова в любую секунду сорваться в движение.

И именно это спокойствие, эта стальная тишина рядом со мной сейчас были ценнее любых обещаний.

Глава 7

Ника

Соскочив с коня, я увидела длиннющую очередь на регистрацию — человек сорок, не меньше. Все они были здоровенными мужчинами, чьи плечи будто раздвинули саму толпу, а голоса перекрывали даже городской гомон. Я на их фоне выглядела как тень, случайно залетевшая в чужой мир.

Немного поразмыслив, я напомнила себе, что раньше относилась к поединкам как к веселью. Морра и Кей правы: нужно отпустить всё — страх, эмоции, даже желание награды, за которой я приехала. Сейчас я здесь не ради книги. Сейчас я иду туда, чтобы проверить себя: так ли я хороша, или же на самом деле — полный отстой.

Встав в очередь, я почти сразу почувствовала на себе взгляды. Двадцать пар глаз — оценивающих, сомневающих, насмешливых. Из толпы раздался голос:

— Эй, малышка, не ошиблась дверью?

Это был молодой парень, немногим выше меня и не особо крупнее. Но в его голосе звучало столько уверенности, будто он уже видел меня поверженной.

— Не думаю. Возможно, это ты ошибся, — ответила я, и кто-то из толпы засмеялся, а затем и все подхватили.

— Встретимся на ринге, — парировал незнакомец, и я лишь закатила глаза, хотя внутри что-то неприятно ёкнуло: я не любила, когда меня недооценивали.

В очереди я проторчала около двух часов, затем минут пятнадцать уговаривала девушку всё-таки зарегистрировать меня — конечно, не под своим именем. Теперь я Амара Нудс. Что за ужасное имя, надо будет обсудить это с Лиараном. Позже нашла гостиницу и заперлась в номере до начала турнира.

Леонэль

Проходя по коридорам дворца, я замечал, как всё здесь кричит о богатстве — и от этой кричащей роскоши меня мутило, будто я глотнул прогорклого вина. Золотые канделябры, парчовые портьеры, мрамор, отполированный до слепящего блеска... Глупый король людей — как можно спокойно сидеть и наслаждаться жизнью, когда твой народ страдает? Голод, нищета, страх — они жили где-то за пределами этих стен, словно их и не существовало вовсе. Он заперся здесь, в надежде, что рабы-оборотни смогут защитить его в случае начала войны. Но я слышал, что ведьмы нынче не так сильны, и оборотни с полукровками смогли найти способ освобождаться от магических ошейников. Хотя это всего лишь слух — и всё же в нём была такая горькая надежда, что хотелось верить.

Раньше в нашем дворе царил мир и покой. Мы принимали всех, даже рабов, созданных ведьмами, — ведь они были чем-то похожи на нас. Мы давали им угол, еду, возможность дышать без страха. Но всё это — давно минувшее прошлое. Это было до того, как наш глава сошёл с ума и вырезал всех до единого, будто стирал пятно со скатерти, не замечая, что рушит чью-то жизнь. Я мечтал воссоздать уклад минувших дней, хотя давалось это пока тяжело — словно пытаться собрать разбитое зеркало и надеяться, что в осколках снова отразится целый мир.

Постучав в дверь, я вошёл и увидел брата, стоящего возле окна. Он был слишком задумчив, будто весь груз этого мира лёг ему на плечи, а он даже не пытался его сбросить. Последнее

время я не особо понимал его и то, какие цели он преследует, — и эта неясность царапала изнутри, как тупой нож по коже.

— О чём задумался? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нём всё равно проскользнула нотка тревоги.

— Вот, посмотри. Это списки участников, и там есть кое-что интересное, — он протянул мне список, и в его глазах мелькнуло что-то, чего я не смог разобрать: то ли азарт, то ли холодная решимость.

Я начал рассматривать листы с именами, которые ни о чём мне не говорили, — ряды букв сливались в бессмысленный узор, пока взгляд не зацепился за одну строчку. «Амара Нудс», — прочитал я про себя.

— Девушка? — я вопросительно посмотрел на Вайрона, и в этом взгляде было столько протеста, что, казалось, воздух между нами загустел от напряжения.

— Забавно, не правда ли? Если будешь с ней сражаться, надеюсь, не опустишься до того, чтобы убить девчонку, — Вайрон усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья — только горечь и тень усталости, которую он прятал за бравадой.

— Издеваешься? — рявкнул я, и звук собственного голоса показался мне чужим, слишком резким, слишком отчаянным.

— Да ладно, ладно. Но ты же знаешь, насколько важна книга. Поэтому, если будет сопротивляться, её всё же придётся прикончить, — Вайрон подошёл ко мне и положил руку на плечо — тяжёлую, твёрдую, словно хотел этим жестом удержать меня от падения в пропасть. — Запомни, Лео, сейчас не время для твоих принципов. Мы преследуем куда более важные цели, чем жизнь какой-то сумасшедшей.

Я лишь посмотрел на него и кивнул, но внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел. Как я мог убить девушку? Я знал, что книга важна. Если она попадёт не в те руки и её смогут открыть, будет куча проблем. Существование всех фейри окажется под угрозой. Но мысль о том, что ради спасения одних придётся уничтожить другую, жгла, как раскалённое клеймо.

Мы прибыли во дворец ещё неделю назад для переговоров с людьми, но меня уже тошнило от этого места. Хотелось поскорее вернуться домой, туда, где воздух пахнет лесом и дождём, а не духами и позолотой. Тем более нужно было разобраться с непонятными передвижениями демонов. В последнее время они словно с цепи сорвались и снуют, где вздумается, — совсем обнаглели.

После переворота связующим звеном между людьми и фейри стал Двор Света, поэтому мой брат занимался всякой дипломатической ерундой, которую я так ненавидел. Союз с людьми? Смешно! Эти сумасшедшие пойдут на всё, лишь бы уничтожить нас и забрать силу и власть в свои руки. Как жаль, что король не понимал, что отдаёт то, что может стать ключом к нашему уничтожению — книгу Истории Драконов. Поэтому моим делом было выиграть турнир и забрать её любой ценой. Но теперь, держа в руках этот список, я вдруг почувствовал, как эта «любая цена» обретает лицо — юное, испуганное, полное жизни. И от этого мне хотелось выть.

На столе рядом с ним лежал лист с печатью Двора Жизни. Я заметил его случайно — уголок пергамента торчал из-под карты, будто его поспешно спрятали. Вайрон проследил за моим взглядом и слишком быстро накрыл письмо ладонью.

— Что это?

— Ничего, что должно тебя волновать, — он улыбнулся. Почти мягко. Почти привычно. И именно это мне не понравилось. Вайрон умел лгать грубо, умел давить, умел делать вид, что весь мир обязан склонить голову перед его решениями. Но сейчас он прятал не приказ. Он прятал страх.

Мой брат хлопнул меня по плечу и отошёл к окну, снова уставившись вдаль, будто там, за горизонтом, прятался ответ на все вопросы. А я остался стоять, сжимая в пальцах лист бумаги,

на котором чёрными буквами было написано имя, теперь не дававшее мне покоя. Книга должна быть нашей. Это вопрос выживания. Но почему цена казалась такой невыносимо высокой?

Ника

Проторчать в номере почти сутки — в тесном, душном, будто нарочно выкрашенном в безликий серый цвет, чтобы ни одна деталь не цепляла взгляд и не давала зацепиться за что-то хорошее, — оказалось ещё тем испытанием. Но я рада, что это закончилось. Сейчас я уже подъезжала к арене. Сегодня пройдут первые поединки, участники смогут посмотреть друг на друга и оценить. Первый день всегда самый важный: ты просчитываешь и изучаешь, и чем меньше раскроешь сама, тем лучше.

Подъехав к охраннику, я соскочила с коня и протянула свою регистрацию. Он неуверенно взял её, несколько раз перепроверил, затем взглянул на меня, вопросительно приподняв бровь, но я лишь стояла и смотрела на него. Пару секунд — и он резко крикнул:

— Лаура! Ещё один... то есть одна. Ворн, забери коня.

К нам подбежала девушка и завизжала:

— Ты что, участница турнира?!

На что я лишь кивнула. Она долго рассматривала меня, будто пыталась найти подвох, глубоко вздохнула и сказала:

— Ладно, идём за мной.

Она повела меня по коридорам и начала объяснять, где что расположено. Я запомнила лазарет — одно из самых интересующих меня мест: не столько чтобы лечиться, сколько чтобы понимать, куда побегут раненные и где можно перехватить информацию.

Лаура объяснила, что участники могут ждать на отведённых местах на арене и наблюдать за боем либо в комнатах ожидания. Я, конечно же, выбрала арену: хороший анализ соперников — это уже половина победы.

Мы вышли на арену. Я сразу огляделась. Арена была огромной, круглой, словно вырезанной из единого куска тёмного камня, а по краю её тянулась высокая стена с зубцами, будто крепость, готовая выдержать осаду. Внизу, у самой кромки, песок лежал неровно — в одних местах он был утрамбован до плотности камня, в других вздымался лёгкими волнами, оставленными тысячами ног и копыт. Тёмные пятна на нём — старые, въевшиеся, почти чёрные — не пытались скрыть: они были частью истории этого места, его шрамами.

Над ареной нависал массивный навес из натянутых полотнищ, переплетённых золотыми нитями; он приглушал солнце, но не спасал от жары — она всё равно стелилась над песком тяжёлым, густым покрывалом. По периметру тянулись ряды сидений: нижние, ближе к песку, — для знати и судей, обитые бархатом и украшенные гербами; выше — для простых зрителей, деревянные, грубо сколоченные, но прочные. А чуть в стороне, обособленно, выделялись места для участников: не для отдыха, а для наблюдения.

Сейчас эти места уже занимали другие участники. Кто-то сидел неподвижно, будто высеченный из камня, кто-то нервно постукивал пальцами, кто-то тихо перешёптывался с наставником. В воздухе витал запах металла, кожи и чего-то ещё, почти неуловимого, — предвкушения боя, смешанного со страхом.

По бокам виднелись небольшие ворота: одни вели в подземные коридоры, другие — в комнаты для участников, где можно было переодеться, проверить оружие, собраться с мыслями. Лаура указала на места, и я двинулась к ним, но тут она схватила меня за руку.

— Послушай, я понимаю, деньги нужны всем, но смерть — не лучший способ их зарабатывать.

Я посмотрела на неё и натянула самую дурацкую улыбку, какую только могла:

— А я пришла сюда не только за деньгами. Где, как не на арене, можно встретить свою настоящую любовь? «И умерли они в один день...» Ну, ты понимаешь.

Лаура выпучила на меня глаза, но отпустила. «Веди себя как дурочка» — это всего лишь игра.

Я подошла к месту и вальяжно развалилась на нём, будто мне принадлежала вся арена. Почти все уставились на меня, но промолчали. Один хмыкнул, другой отвернулся, а третий чуть наклонил голову — будто пытался вспомнить, не видел ли меня раньше.

Буквально через пять минут заговорил ведущий:

— Добро пожаловать на самое долгожданное событие каждого десятилетия! Сегодня мы проверим вас на прочность! — Он стоял посреди самой арены, где будут проходить поединки, медленно кружа вокруг себя, будто уже видел, как здесь прольётся первая кровь.

— В этот раз у нас пятьдесят шесть участников. Турнир будет длиться три дня. Сегодня вы сразитесь один на один. Завтра — пара на пару. Свою пару вы узнаете только во время поединка. Ну а третий день... будет для вас сюрпризом.

Он сделал паузу, давая словам осесть, и обвёл взглядом зал, словно пересчитывая, сколько из этих людей доживёт до конца.

— После его величество Рейвен Харт устроит праздничный банкет для всех участников турнира. Так что все, кто выживут, смогут посетить его.

И тут он чуть склонил голову, будто сам удивился тому, что собирался сказать, и голос его стал нарочито торжественным:

— А также в этом году нас ожидает сюрприз. До нас, неандертальцев, снизошла богиня! В этом году одним из участников будет девушка — да ещё столь молода: двадцать три года. Мужчины, будьте вежливы к даме. Но поблажек мы здесь никому не даём!

Толпа взорвалась: где-то раздался свист, где-то хохот, а где-то, в дальних рядах, повисло холодное, оценивающее молчание — будто кто-то уже прикидывал, сколько ударов понадобится, чтобы уложить эту «богиню».

Я не шелохнулась — лишь пальцы крепче сжали край скамьи. А потом вдруг рассмеялась, будто услышала самую смешную шутку за сто лет. Ведущий задержал на мне взгляд чуть дольше, чем на других, и едва заметно улыбнулся — холодно, расчётливо. Он уже знал, что из меня можно сделать зрелище.

Я в ответ чуть приподняла бровь: «Ну и что дальше?» Пусть устраивает шоу. Я сыграю любую роль — лишь бы никто не догадался, что за этой весёлой маской прячется охотница.

После столь эпичного начала ведущий наконец занял своё место.

— Ну что, пора начинать! Первыми, кто откроет наш турнир, будут Фейн Локс и Рикс Вэйл. Прошу на сцену, ребятки, не разочаруйте нас! — его голос был до тошноты саркастичным, будто он продавал не бой, а ярмарочное представление.

Мне хотелось выколоть ему глаза. Как можно так веселиться там, где проливается кровь? Наш мир и правда ужасен. Но я давно осознала, что ценности, которых я и мои близкие придерживались, чужды всем остальным.

Бой начался... и оказался до смешного скучным. Движения рваные, защита дырявая, тактика — на уровне дворовой драки. Я едва сдержала зевоту. Единственной искрой во всей этой серости стало то, что один из них рухнул замертво. Не от изящного удара, а от глупой ошибки: шагнул чуть вперёд, потерял равновесие — и клинок второго вошёл точно под рёбра.

Так прошли и все следующие бои. Один за другим. Кто-то дрался с яростью, кто-то — с отчаянием, но почти все — без настоящего мастерства. И чем больше я смотрела, тем яснее становилось: здесь не ищут славы. Здесь выживают. Или пытаются продать свою смерть подороже.

Я немного отвлеклась, проверяя свои клинки, но, когда подняла глаза — обомлела.

На арену вышли двое. Первый был неплох: широкие плечи, уверенная стойка, мышцы перекачиваются под кожей — чистая сила. Но второй... от него веяло чем-то совсем другим. Не мощью — холодной, безупречной точностью. Он ступал так, будто не шёл, а скользил: ни одного лишнего движения, ни единого шороха. Даже песок под его сапогами не смел хрустнуть громко. По этой походке я поняла всё: с таким придётся попотеть. И это если повезёт просто сойтись в спарринге, а не в смертельном поединке.

«Только не он, — мелькнуло в голове. — Только не мой соперник».

Я поймала себя на том, что невольно выпрямилась, будто тело само, без приказа, перешло в режим готовности. Пальцы чуть крепче сжали рукоять клинка, хотя драться мне сейчас не надо было. Просто инстинкт: когда рядом появляется хищник другого калибра, даже воздух становится гуще.

Едва ведущий скомандовал начало, всё случилось слишком быстро. Я даже не успела проследить движение — только мелькание клинка, резкий поворот, и голова первого бойца покатилась по песку.

Я таращилась то ли от восхищения, то ли от испуга. Это не было удачей или грубой силой — это была отточенная, безжалостная красота. Убийство как искусство. И самое страшное — в его глазах не было ни азарта, ни злобы, ни даже удовлетворения. Только спокойная уверенность фейри, который делает привычную работу.

Незнакомец грациозно развернулся и покинул арену, будто ничего особенного не произошло. А я так и застыла, пропустив мимо ушей его имя.

Пока я приходила в себя, назвали моё имя...

Глава 8

Ника

Я несколько раз моргнула. Все взгляды были прикованы ко мне.

— Амара, детка, я понимаю, у девушек принято опаздывать на свидание, но сегодня не тот момент, — усмехнулся ведущий.

И тут я взорвалась. Нахрен книгу — я сотру в порошок этого утырка.

Я кокетливо улыбнулась, грациозно поднялась с места и, словно истинная леди, пошла к арене. Все затаили дыхание: что же будет? Я не привыкла хвастаться, но в наших кругах у меня было прозвище — Кровавая принцесса. То ли из-за магии, то ли из-за моей любви сносить демонам головы. Да, признаю, последнее время я была немного не в себе, но сейчас будто пришла в себя, и эти утырки дико бесили меня. Не хотелось бы убивать человека, но либо я его, либо он меня — всё просто. Поэтому представляю, что передо мной демон.

Что ж, тот незнакомец поднял планку, так что надо соответствовать. Я заняла своё место на ринге. У меня было лишь два клинка и никакой защиты и брони, но если для кого-то это минус, то для меня — только плюс. Я часто выбиралась на охоту за демонами без защиты, за что Михаэль потом очень долго устраивал мне взбучку. Я бегло посмотрела на соперника — думаю, тут хватит и одного клинка, — затем повернулась к ведущему, и тот спросил:

— Готова, милочка?

Я подарила ему соблазнительную улыбку, и ведущий прокричал о начале боя.

Я сорвалась с места, чувствуя, как песок обжигает подошвы, как воздух рвётся между пальцами, будто пытаюсь удержать.

— Просто сдайся! — крикнул соперник с другого конца арены, и в его голосе сквозила не забота, а высокомерная уверенность оборотня, который уже мысленно праздновал победу. Он даже не напрягся, не принял стойку — просто стоял, слегка расставив ноги, будто перед ним была не соперница, а забавная игрушка.

Но эти два коротких шага до него показались вечностью, растянутой на тысячи ударов сердца. Каждый миг был острым, как лезвие: я замечала всё — как дрогнул уголок его губ, как он чуть приподнял руку, как в глазах мелькнуло запоздалое понимание: «Что-то не так».

А потом время сжалось в одну точку.

Он словно опомнился и замахнулся — резко, грубо, полагаясь на силу, а не на мастерство. Но я уже нырнула под эту руку, скользнула, как тень, как струя воды, которую невозможно схватить. Песок взметнулся облаком у моих ног, на секунду скрыв движение, и в тот миг, когда он потерял меня из виду, я уже была за его спиной.

Секунда.

Одна-единственная, звенящая секунда, когда весь мир замер, задержал дыхание, а потом рухнул.

Я вознесла клинок — не размахисто, не для красоты, а с той смертоносной точностью, которая рождается только из сотен тысяч повторений, из крови, пота и боли тренировок. Сталь сверкнула в косых лучах солнца, будто сама вспыхнула от предвкушения.

И всё закончилось.

Голова соперника отделилась от тела с сухим, почти будничным звуком — таким, какой бывает, когда ломается сухая ветка в морозном лесу. Она покатилась по песку, оставляя за собой тёмную полосу, и замерла у края арены, уставившись в небо невидящими глазами.

Толпа на мгновение замолчала — словно кто-то резко выдернул шнур из стены, оборвав этот бесконечный гул. Тишина повисла над ареной тяжёлым, плотным покрывалом, и в ней отчётливо слышалось только моё дыхание: ровное, спокойное, будто я только что не оборвала чью-то жизнь.

А потом тишину разорвал новый шум: кто-то кричал от восторга, кто-то — от ужаса, кто-то просто не мог поверить в то, что только что увидел.

Я медленно опустила клинок, чувствуя, как по лезвию стекают тяжёлые капли. В груди не было ни триумфа, ни сожаления — только ледяная ясность: это был не спектакль, не игра, не проверка силы. Это был расчёт, чистый и беспощадный. И я сделала то, что должна была.

Где-то в толпе мелькнуло лицо Лауры: она не аплодировала, не кричала, просто смотрела на меня с тем самым выражением, в котором смешивались уважение и лёгкая тревога.

А я стояла посреди арены, окружённая криками и пылью, и чувствовала, как эта ярость, эта дикая, обжигающая жизнь наконец-то нашла выход. Давно я не ощущала себя настолько живой — и настолько опасной.

— Вот это страсть, вот это накал! Дорогуша, если ты выживешь, пойдём на свидание, я обеспечу тебе беззаботную жизнь! — кричал ведущий.

А я всё так же соблазнительно улыбнулась ему и последовала на своё место — дальше оценивать соперников.

Следующие поединки прошли так же скучно, как и предыдущие. Есть пара кадров, с которыми придётся попотеть, но ничего особенного. После моего боя взгляды соперников изменились. Теперь они смотрели на меня не как на дурочку, а как на ту, кто, возможно, заберёт их жизни. И правильно делали.

После поединков я быстро, словно тень, покинула арену — не хватало ещё с кем-то пересечься, отвечать на вопросы и уж тем более прикидываться, что ищу на арене любовь. Вернувшись в номер, быстренько ополоснулась, перекусила и была готова лечь спать, как вдруг — стук в дверь. Я медленно поднялась, достала нож из-под подушки, подошла к двери и резко схватила незваного гостя, затащив в номер и прижав к стене с клинком у горла.

— Может, успокоишься...

— Кей! — я выпучила глаза и быстро отпустила его. — Что ты тут делаешь?

— Серьёзно? Ты чуть не прирезала меня... Я по делу. Будь осторожна с тем пижоном. Единственное его слабое место — левый низ ребра, но чтобы туда попасть, придётся постараться, — быстро начал объяснять Кей.

— Ты здесь за этим? — выгнув бровь, я посмотрела на него, но мой друг уже развернулся и начал уходить. Замешкавшись у двери, он сказал:

— Ты сегодня была прекрасна.

Затем ушёл. Вот тебе и сюрприз. Но я знала, что Кей был просто рад — ведь Кровавая принцесса вернулась.

Время пролетело незаметно — я и оглянуться не успела, как снова оказалась на трибунах, стискивая пальцами край скамьи. Парные поединки выглядели даже хуже одиночных: никакой слаженности, никакого намёка на работу в связке. Это было не сражение двоих — это был забив скота, где каждый пытался выгрызть себе победу за счёт напарника.

Они не прикрывали друг другу спины — они мешали. Один рвался вперёд, второй тянул назад; один закрывался, второй лез напролом. Из-за этой бестолковой тактики сторали даже те, у кого был хоть какой-то шанс: хорошая реакция, крепкий удар, чуть больше выдержки. Всё это рассыпалось в прах, стоило им встать плечом к плечу.

Очередной поединок закончился. У выигравшей пары дела были плохи: один весь изранен — рубашка потемнела от крови, движения дёрганные, будто каждое причиняет боль; второй еле держался на ногах, лицо серое, глаза пустые. И как они собирались драться дальше — вопрос, который висел в воздухе, тяжёлый и горький.

Взгляд сам собой скользнул по рядам, высчитывая, кто ещё остался, кто уже выбыл, кто держится в стороне, будто ждёт своего часа. И в какой-то момент я поймала себя на том, что ищу среди них одну фигуру — ровную, без лишней суеты. Но его нигде не было видно.

Затем ведущий продолжил, назвал ещё одну пару, которая уже выходила на арену. Его взгляд скользнул по мне, и с едкой улыбкой он объявил:

— И их соперниками будут: Леонэль Вэрд и Амара Нудс.

Я начала спускаться на арену, но заметила, что с трибун никто не спускается со мной. Оглянувшись, увидела его — того самого незнакомца. Он выходил со стороны комнат ожидания и шёл всё с той же грациозной, тихой походкой, будто песок под его ногами не скрипел, а шептал.

Он был высок — на голову выше большинства бойцов, но в этой высоте не было тяжеловесности. Мускулы перекачивались под кожей ровно, без лишней громоздкости: не гора мышц, а натянутая тетива, готовая сорваться в любой момент. Волосы цвета тёмного мёда, чуть взъерошенные, будто ветер успел пройтись по ним ещё до того, как Леонэль ступил на арену. А глаза... янтарные, почти светящиеся на загорелой коже, спокойные и внимательные, как у хищника, который уже просчитал все варианты и знает, что победит.

Мы подошли друг к другу и начали бой глазами, будто не союзники, а соперники. Я оценивала его и понимала: будет очень тяжело, есть реальный шанс умереть. И не потому, что он казался неуязвимым, а потому, что в нём не было суеты. Ни одного лишнего движения. Ни одной трещины, в которую можно ударить.

Наш молчаливый бой прервал ведущий:

— Амара, детка, будь осторожна, моё сердце будет очень болеть, если с тобой что-нибудь случится.

Я повернулась к ведущему всё с той же соблазнительной улыбкой и кокетливо кивнула.

— Боже, да она сам ангел. Леонэль, пожалуйста, позаботься о моей малышке, — всё с той же улыбкой напевал он. Краем глаза я увидела лёгкую ухмылку моего союзника, и меня снова всё начало бесить. Не столько его ухмылка, сколько то, как эта ухмылка смотрелась на его лице: слишком уверенная, слишком красивая, будто ему вообще ничего не стоило быть здесь и делать вид, что всё под контролем.

— Ну что ж, думаю, вы готовы. Так пусть начнётся поединок!

Я быстро пробежала глазами по соперникам, вспоминая их. Они были не так хороши, но кое-что умели — проблем не будет. Достала клинки и собиралась рвануть, как вдруг Леонэль схватил меня за руку:

— Малышка, постой пока в сторонке, отдохни. Я разберусь со всем. «Такие проблемы должны решать большие дяди», — саркастично произнёс мой союзник.

И тут — бум. Взрыв. Моя ярость заполонила всё тело.

— Да ты совсем охренел!!!

Крик сорвался с губ сам, вырвался из груди вместе с горячим, колючим воздухом, будто если я не выдам эту ярость прямо сейчас, она разорвёт меня изнутри. Леонэль вытаращил на меня глаза, словно не понимал, как это вообще возможно — чтобы кто-то так на него орал. В его взгляде читалось чистое, незамутнённое изумление человека, который привык, что все перед ним расступаются, а тут вдруг кто-то посмел рявкнуть в лицо.

В этот момент мой мозг отключился. Не в смысле, что я потеряла сознание, — наоборот, он стал пугающе острым, вычистив всё лишнее: ни имён, ни воспоминаний, ни сожалений. Только линии движения, углы, расстояния, слабые места. Инстинкт, отточенный годами боёв, взял верх.

Я вывернула его руку, которая всё ещё держала меня, резко, до хруста связок, развернув Леонэля к себе. Толчок ногой в спину вышел хлестким и точным — не ради силы, а ради угла: он по инерции полетел вперёд и рухнул на песок, подняв плотное облако пыли.

Краем глаза успела заметить: один из соперников уже нёсся на нас, его меч сверкал в воздухе, как молния, готовая ударить. Не думая, рванула к нему, сокращая дистанцию так, будто сама смерть тянула меня за собой. Буквально в пяти сантиметрах от него я развернулась вокруг себя — резко, до скрипа в суставах, и клинок вошёл сбоку в горло, точно, без размаха, как игла в ткань.

Ещё движение — быстрее, чем успевает моргнуть глаз. Вынула клинок, и тёплая кровь брызнула мне на лицо, на одежду, осела тяжёлыми каплями, пахнущими железом и чем-то горько-солёным. Краем глаза уловила, что второй уже мчится ко мне, его шаги отдавались в груди, как удары барабана, отсчитывающие последние секунды.

Встретив его, я не стала уходить в сторону. Вместо этого шагнула навстречу — прямо в удар. У меня не было наручей, никакой стальной защиты, только собственная скорость и знание того, как ломается инерция. Я подставила не неподвижную преграду, а скользящую плоскость: развернула предплечье так, чтобы клинок противника прошёл по касательной, и в тот же миг перенаправила его удар — не силой, а углом, как отводят бурный поток, просто слегка повернув русло. Я управляла его движением, вела его мимо себя, как опытный кучер ведёт упряжку в узком проходе. Клинок прошёл в считанных миллиметрах, не оставив ни царапины: ни рваной раны, ни даже тонкой полоски крови. Никаких ранений — только безупречный расчёт, ставший рефлексом.

А в тот миг, когда его клинок скользнул мимо, я вонзила свой прямо в сердце — туда, где билась жизнь, которую я сейчас обрывала.

Вынув клинок, я отступила на полшага. Второй соперник рухнул замертво, его глаза ещё секунду смотрели на меня, будто пытались что-то сказать, а потом взгляд потух, стал пустым, как у куклы.

Я повернулась и в этот миг увидела, что первый тоже уже был мёртв. Просто рухнул, не издав ни звука, и теперь лежал, раскинув руки, будто хотел обнять этот песок, ставший ему последним напоминанием жизни.

Толпа вновь взорвалась хаотичным гулом: кто-то кричал от восторга, кто-то — от ужаса, кто-то просто выкрикивал имена, не понимая, что происходит. Шум накатывал волнами, бил по вискам, пытался сбить с ритма, но я стояла неподвижно, чувствуя, как адреналин пульсирует в венах, как каждая мышца дрожит от напряжения. Кровь на лице и одежде была чужой, а моя собственная кожа оставалась целой — ни единой раны, ни единого пореза. Только холодная ясность в голове и ощущение, что я двигаюсь ровно там, где нужно, и ровно тогда, когда нужно.

Леонэль всё так же продолжал сидеть на земле, в шоке вытаращив свои янтарные глаза. В них не было злости — только пустота, растерянность фейри, которого только что с размаху столкнули с пьедестала, на который он сам себя возвёл. Он открывал рот, будто хотел что-то сказать, но слова не шли, застряли где-то в горле.

Сквозь шум я услышала слова ведущего:

— Амара, детка, подойди ко мне.

Я повернулась к нему всё с той же натянутой кокетливой улыбкой, только теперь с кровью на лице, и подошла. Ведущий приобнял меня за талию, и я почувствовала, как меня начинает тошнить.

— Вот скажи мне, детка, зачем такой прелестной, безумно сексуальной девушке участвовать в этом турнире? Если всё из-за денег, то перестань, я уже сказал, что обеспечу тебя безбедной жизнью. Поведай нам, красавица.

Я взяла микрофон и уверенно произнесла:

— Конечно же, из-за любви.

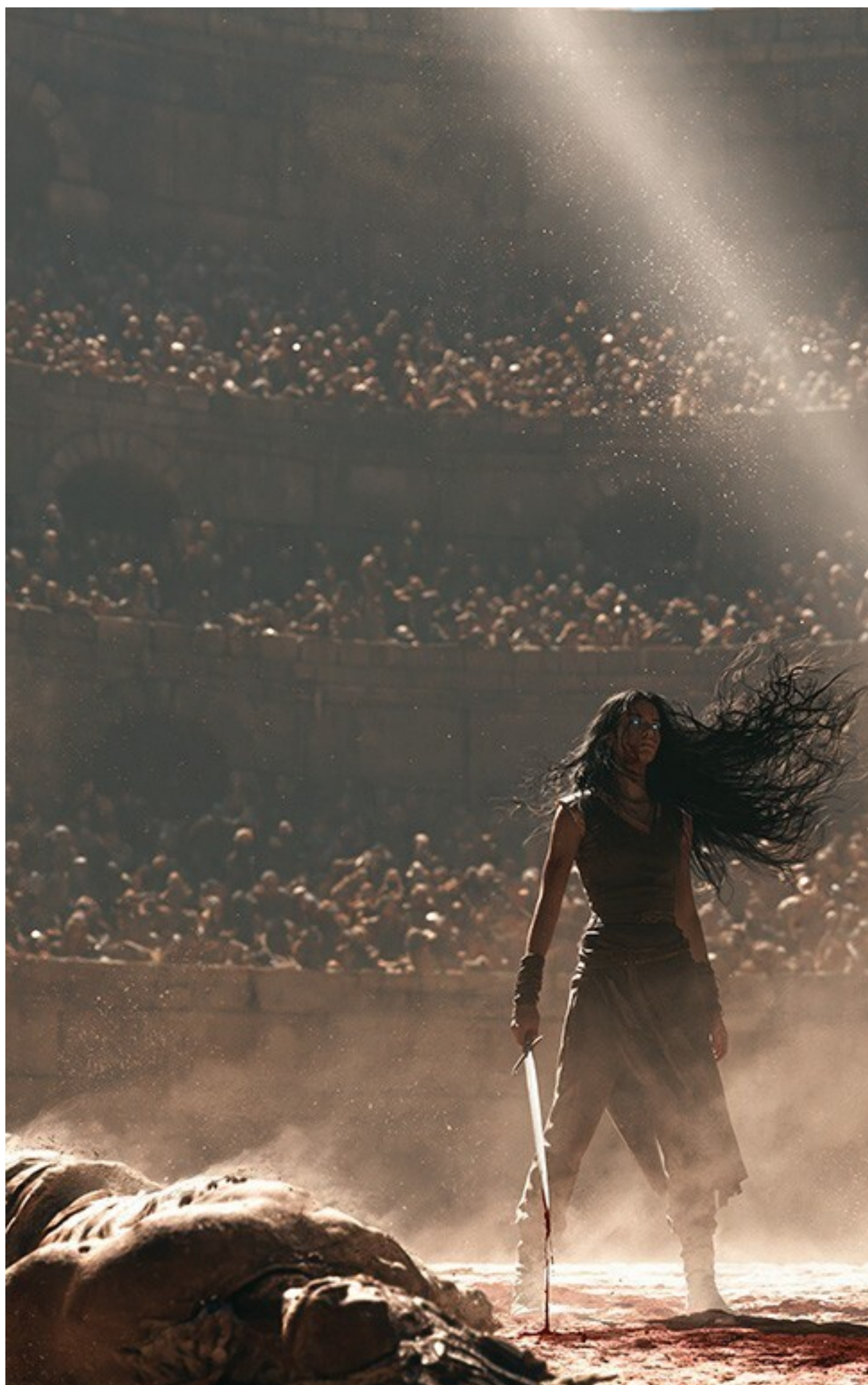
— Что, прости? — недоумевая, переспросил ведущий.

— Из-за любви. Хочу на этом турнире найти свою настоящую любовь. Разве такая красotka, как я, недостойна самого сильного и храброго воина?

— Но ты же понимаешь, что можешь умереть, и вы не сможете быть вместе?

— «И умерли они в один день». Романтично и драматично, мне такое нравится, — ласково произнесла я, понимая, какую чушь несу. Затем развернулась и вприпрыжку удалилась с арены. Слышала только, как ведущий нёс какую-то чушь про драматичную любовь.

Я забежала в раздевалку, чтобы умыться. Не хотелось бы разгуливать по городу измазанной чужой кровью. Уже когда почти добралась до выхода, кто-то схватил меня и затащил в тёмную комнату.

Глава 9

Ника

Меня прижали к двери, удерживая за плечи, но я, недолго думая, оттолкнулась от стены ногой, нырнула под руку своего похитителя, схватила её, заломала — и теперь уже он был прижат лицом к двери.

— Тише, тише, малышка, это я. — Но я только сильнее прижала его. — Леонэль. Помнишь? Минут десять назад мы были на арене, в одной команде, вроде как.

Я отпустила его. Леонэль развернулся, и я почувствовала, словно земля уходит из-под ног. Эти янтарные глаза буравили меня не стесняясь. Кажется, я забыла, как дышать. И именно это меня взбесило. Я не верила таким ощущениям. Слишком резким, слишком красивым, слишком похожим на ловушку. Моё тело могло реагировать, как угодно, но тело — не советчик. Оно помнит боль, страх, чужие руки, запах крови и трав. Оно часто путает опасность с притяжением. Поэтому я заставила себя выдохнуть и мысленно отступить на шаг.

Красивый мужчина с янтарными глазами всё ещё мог оказаться врагом. А врагов я не целовала. Обычно.

Вдох, выдох.

— Какого хрена тебе надо? Нормально не учили разговаривать? Что за похищения?

— Просто подумал, что уединённое место подойдёт больше, — словно извиняясь, произнёс он.

Но я почувствовала: это не так, он издевался надо мной. Поэтому приняла боевую стойку и вытаращилась на него настолько, насколько была способна. Мы буравили друг друга добрых пару минут, но он первым осёкся:

— Кто ты такая? Ты не обычная мечница, это мастерство, закалённое и выученное годами, а то и столетиями. Но я не чувствую в тебе магии, значит, ты человек.

— Просто талант, — невзначай ответила я. С ним надо быть осторожнее, иначе есть шанс, что меня раскроют.

— Ладно, слушай, у меня предложение. Я уверен, что мы с тобой встретимся в финальном поединке. Давай так: я сдаюсь, тебе — призы, деньги, мне нужно лишь одно — Книга Истории Драконов. Все в выигрыше.

Вот оно. Я знала, что не одна за ней охочусь. Нужно срочно выяснить, кто он такой.

— Я же сказала, что пришла сюда за любовью, поэтому такой поединок...

Но он перебил меня:

— Хорошо чушь пороть, это ты можешь заливать тому придурку!

— Я сказала — нет. — Ещё раз бросив на него взгляд, я оттолкнула красавчика от двери и вышла.

Я чувствовала, что он не пошёл за мной. Вот и хорошо. Но похоже, финальный поединок будет очень сложной задачей.

Уже час я вышагивала туда-сюда в номере гостиницы, меряя шагами тесное пространство, будто надеялась, что движение поможет расцепить тугую пружину тревоги, что свернулась где-то под рёбрами. И до сих пор не нашла ответа, что делать дальше.

Если мы схлестнёмся в финале, а это почти наверняка, то без порезов не обойдётся. Ко мне даже закрадывалась мысль сняться с турнира, но я её быстро отмела. Я не сомневалась в победе. Да, она будет сложной, будет много крови, но проблема была не в поражении. Проблема в том, что этого нельзя допускать. Поток магии скрыть легко: пара отвлекающих чар, ложный

след, иллюзия, которая рассеивается через миг. А вот регенерация — это проблема. Она выдаст меня быстрее любого крика. Стоит только кому-то заметить, как ссадина исчезает на глазах, как кожа стягивается, будто её и не было, — и всё, игра окончена.

«Вэрд... Вэрд...» — несколько раз произнесла про себя. До безумия знакомая фамилия, царапавшая память, как острый край монеты. Я схватила листок бумаги и ручку и быстро набросала записку:

«Торван, завтра после боёв пусть Кей перехватит у меня книгу — она должна быть у вас. Я останусь на бал, нужно кое-что проверить. Вы даже близко не показывайтесь. Это приказ. И ещё: если получится, попробуйте узнать, кто такой Леонэль Вэрд. Фамилия до безумия знакомая».

Закончив писать, я свернула листок и кинула в камин, тут же прочитав короткое заклинание. Пламя вспыхнуло ярче обычного, на миг окрасившись в фиолетовый, и бумага рассыпалась в пепел, не оставив ни строчки, ни следа. Только лёгкий запах озона повис в воздухе, как намёк на то, что слова ушли туда, куда нужно.

Стоит немного отдохнуть. Думай не думай — это не поможет, если тело откажется слушаться. Но сон не шёл. Он будто обходил меня стороной, как осторожный вор, который знает, что в этой комнате слишком много острых углов.

Я села на кровать, скрестив ноги, и стала прогонять в голове все возможные заклинания, которые только знала. От простых бытовых чар до сложных боевых плетений, от защитных рун до проклятий, о которых лучше не вспоминать вслух. Минут десять тарасилась в одну точку, пока перед глазами не поплыли тёмные пятна, и тут мысль пришла — резко, как удар клинка, рассекающий тьму.

Обратное заклинание, которое всё переворачивает. Оно редкое, почти забытое, его используют в самых крайних случаях, потому что цена высока. Если получится, то вместо регенерации я получу раны, которые вообще не будут заживать. Единственное, что смогу сделать, — это остановить кровь. В любом случае после финала смогу отменить заклинание.

Вскочив с кровати, я сделала порез на ладони — короткий, уверенный, без колебаний. Сталь клинка вошла ровно, неглубоко, но достаточно, чтобы кровь хлынула тёплой, тяжёлой струёй, заливая кожу и капая на пол. Я начала рисовать руну прямо на руке, поверх крови, чувствуя, как холод заклинания пробирается под кожу, как оно вплетается в самую суть моей магии, перекраивая её на время. Линии горели, будто выжженные огнём, и каждый штрих отзывался лёгкой дрожью в пальцах.

Затем я произнесла заклинание. Немного подождав, посмотрела на рану. Кровь всё ещё сочилась, края не стягивались, кожа не спешила срастаться. Сработало. Руна тускло мерцала, удерживая чары, как якорь удерживает корабль в шторм.

Завтра надо быть осторожнее. Шансы умереть увеличились — теперь любая царапина могла стать смертельной, если не рассчитать силы.

И вот мы стоим посреди арены — все оставшиеся четырнадцать участников, рассеянные по кругу, как осколки разбитого зеркала. Каждый дышит по-своему: кто-то тяжело, с хрипом, кто-то едва слышно, будто боится выдать себя даже этим звуком. Воздух уже не просто тёплый — он густой, пропитанный запахом железа, пыли и чужого страха.

Когда я приехала, меня сразу перехватили и увели в комнату ожидания — маленькое, душное помещение без окон. Я немного напряглась, испугавшись, что меня могли раскрыть. Но ничего не предпринимала: сидела, выпрямив спину, и смотрела в одну точку, пока время тянулось, как тягучая смола. Десять минут казались часами. Затем дверь резко распахнулась, и охранник, не глядя мне в глаза, велел следовать за ним.

Нас вывели всех сразу, вытолкнули на арену, как стадо на убой, только вместо покорности в каждом из нас кипела ярость, готовность драться до последнего вздоха. Трибуны были забиты до отказа. Я видела, как знатные особы делают ставки, смеясь и наслаждаясь этим представле-

нием, как щёлкают пальцами, отдавая распоряжения слугам, как поблёскивают драгоценные камни на их пальцах — будто это не люди, а хищные птицы, слетевшиеся на запах крови.

Всё-таки из всех, кого я встречала, люди были самыми жадными и кровожадными существами, готовыми на всё ради власти, денег и веселья. За свои сто тридцать лет я не встретила ни одного по-настоящему благородного человека — все они преследовали какие-то свои цели, прятали когти за шёлковыми перчатками и улыбались так, что от этой улыбки хотелось вытереть лицо.

Спустя пять минут на помост спустился ведущий — в роскошном плаще, расшитом золотыми нитями, с лёгкой, почти издевательской улыбкой на губах. Он обвёл взглядом арену, будто любовался картиной, которую сам же и создал, и наконец заговорил праздным голосом, будто обсуждал погоду, а не чью-то смерть:

— Итак, сегодня финал — самое ожидаемое событие. Моя ласточка всё ещё в строю, и я надеюсь, что сегодня ты выживешь. Нам так много надо обсудить, — он коротко подмигнул мне, и меня изнутри всю перекосило от этой фамильярности, от ощущения, что я для него — всего лишь игрушка, которую он крутит в пальцах. Но снаружи я подарила ему кроткую и ласковую улыбку, такую безупречную, что в ней не было ни капли настоящих чувств — только сталь, спрятанная за шёлком.

— Давайте постараемся и устроим настоящее шоу. Наши правила на сегодня просты: вы все будете сражаться до тех пор, пока не останется двое из вас, а затем будет финальный поединок. Напоминаю всем: победа — это не только смерть. Иногда достаточно сломать врагу руку, выбить оружие, заставить его сдаться. Но, признаюсь честно, мне больше нравится первый вариант. Желаю всем удачи. И не будем задерживаться. Объявляю о начале поединка!

Толпа взорвалась рёвом, который ударил по ушам, как удар молота по наковальне. Я слышала, как знать начала выкрикивать имена — видимо, это те, на кого они сделали ставки. Кто-то кричал моё имя, кто-то — имя Леонэля, а кто-то просто орал, требуя крови, как будто это было самое желанное угощение на пиру.

Я даже опомниться не успела, как на меня нёсся один из участников — высокий, жилистый, с глазами, в которых не было ничего, кроме жажды убийства. Я быстро заблокировала его удар, чувствуя, как дрожь от столкновения прошла по всей руке, а затем мой клинок проткнул его живот. Он замер на секунду, будто не веря, что это происходит, а потом медленно осел на песок, и тёмная кровь расплылась вокруг него, как зловещий цветок.

Но следом уже нёсся второй, его меч свистел в воздухе, обещая быструю и жестокую смерть. Одолеть его тоже не составило труда — один точный удар, и он рухнул, не успев даже закричать.

И тут началась настоящая кровавая баня.

Песок под ногами стал скользким, пропитанным кровью, и каждый шаг давался чуть тяжелее, будто сама земля пыталась удержать меня, чтобы я не ушла отсюда живой. Клинки сверкали, как молнии, рассекая воздух, крики сливались в единый, безумный хор, а запах железа становился всё гуще, въедаясь в кожу, в волосы, в самую суть меня.

Краем глаза я заметила Леонэля. Он двигался плавно, почти лениво, но каждый его удар был смертельным, точным, лишённым лишней суеты. В какой-то момент наши взгляды встретились, и ко мне закралась мысль: стоит напасть на него, убрать самого опасного соперника, пока есть шанс. Но он заглянул мне в глаза, словно говоря: «Не сейчас. Ты погубишь нас обоих». И в этом взгляде было что-то большее, чем просто предупреждение, — там была странная, почти родственная связь, понимание того, что в этом безумии мы можем быть друг для друга единственной опорой.

А потом мы начали рубить всех, кто попадался нам на пути, не как союзники, а как два хищника, которые на время забыли о вражде, потому что вокруг было слишком много добычи. Мы не договаривались, не переглядывались — просто чувствовали движения друг

друга, предугадывали шаги, оставляли друг другу пространство для манёвра. Думаю, из нас вышла бы неплохая команда.

Постепенно крики стали реже, звон клинков — глуше, а песок — почти чёрным от крови. Осталось трое участников: я, Леонэль и ещё один воин — крупный, тяжёлый, с лицом, искажённым яростью, будто он наслаждался этой бойней.

Я повернулась к Леонэлю, словно спрашивая: «Что теперь?»

— Дамы вперёд, я усвоил урок, — с усмешкой сказал он, и в этой усмешке не было ни насмешки, ни презрения — только усталое признание того, что иногда лучше уступить дорогу тому, кто знает, что делает.

И я пошла. Не побежала, не рванулась вперёд, а именно пошла — медленно, размеренно, словно загоняя добычу в угол. Каждый мой шаг отпечатывался на пропитанном кровью песке, и этот след был страшнее любого крика.

Соперник напрягся, но остался стоять на месте. Его грудь вздымалась, а в глазах плескался страх, смешанный с упрямой решимостью. Я не хотела его убивать — видела этот страх, понимала, что он просто оказался не в том месте и не в то время. Поэтому сказала:

— Просто сдайся!

— Мне кажется, ты себя переоцениваешь, милочка! — рявкнул он и рванул на меня, размахивая мечом так, будто надеялся, что одна только сила и ярость смогут его спасти.

А я всё так же расслабленно шла, дожидаясь, когда же соперник доберётся до меня. Секунды тянулись, будто часы, каждая из них звенела в ушах, как натянутая струна.

И вот настал решающий миг.

Уклон — лёгкий, почти незаметный, будто я просто чуть качнулась от порыва ветра. Удар — быстрый, как бросок змеи, без размаха, но с такой силой, что клинок вошёл точно туда, куда нужно. Соперник замер на мгновение, его глаза расширились, в них мелькнуло непонимание, а затем он быстро обмяк в моих руках, и я осторожно опустила его на песок, словно он был не врагом, а просто тяжёлой ношей, которую наконец-то можно было снять.

Тишина накрыла арену внезапно, как тяжёлое одеяло, заглушая даже дыхание оставшихся. Только где-то далеко слышался чей-то крик да шелест шёлка — кто-то из знати вскочил со своего места, не веря в то, что увидел.

Леонэль посмотрел на меня, и в его взгляде я прочла то, чего не ожидала увидеть, — уважение.

— Неплохо, — тихо произнёс он, опуская клинок, и на его лице проступила тень улыбки.

А я стояла посреди арены, окружённая мёртвыми телами и тишиной, которая была громче любого крика, и чувствовала, как адреналин медленно отпускает, оставляя после себя только усталость и странное, горькое понимание: это был ещё не конец. Это была только разминка.

Тишину нарушил ведущий — его голос ударил по ушам, как хлыст, резкий и весёлый:

— Вот это да, вот это страсть! Неожиданный финал для всех, в котором схлестнутся: Амара Нудс и Леонэль Вэрд! — он прокричал так, что у меня заложило уши, а по спине пробежал липкий холодок отвращения. — Ну что ж, здесь тоже у вас не будет времени — всего лишь пятиминутка, пока тут приберут, — он с насмешливой улыбочкой посмотрел на мёртвые, окровавленные тела, будто это был не след бойни, а просто мусор, который надо вымести. — А пока, Амара, детка, ну скажи мне: вас осталось двое, разве это не была твоя цель — найти самого сильнейшего на этом турнире?

Я мило улыбнулась — так, чтобы улыбка легла на лицо, как маска: ровная, безупречная, ничего не выдающая. Внутри же всё кипело, каждая его «детка» впивалась, как заноза, но я знала: осталось совсем немного. Ещё чуть-чуть этой игры.

— Да, это и правда моя цель. Но он ещё не победил меня, так что нельзя назвать его самым сильнейшим.

— Я понимаю, но, детка, Леонэль — другой уровень. Ты же понимаешь, что погибнешь в этом поединке?

— Я слышала, чтобы найти настоящую любовь, надо заплатить большую цену. Если мне суждено умереть, полюбив самого сильного воина, то так тому и быть. Я не пожалею о своём решении.

«Как же надоело», — пронеслось у меня в голове горькой, едкой мыслью. Играть дурочку, улыбаться, когда хочется вцепиться в эту ухмылку и стереть её навсегда. Но я держала лицо.

Бойня до финала прошла на удивление легко — ни одной раны, только рука, которую я вчера порезала ради заклинания, начинала ныть, будто напоминая о цене, которую я сама себе назначила. Это не должно стать проблемой: я отлично умела терпеть боль. Боль была моим старым другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.